

18+

Иван Ленивцев

"Счастливого пути, Тетька"

Из жизни частного охранника.

Иван Ленивцев

**Счастливого пути, Петька. Из
жизни частного охранника**

«Издательские решения»

Ленивцев И.

Счастливого пути, Петька. Из жизни частного охранника /
И. Ленивцев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532113-8

Герой новых рассказов прозаика из Советской Гавани — частный охранник Петр Бурцев. Благодаря природной смекалке, физической силе и добродушному характеру, он с честью выходит из непростых жизненных ситуаций. Рассказы смешны, порой и трагичны, однако они жизненно правдивы и достоверны. Они о людях, таких разных и таких похожих. Они о нас, о современниках.

ISBN 978-5-00-532113-8

© Ленивцев И.
© Издательские решения

Содержание

Петька и свиньи	6
Петька и Кафка	18
Петька и адмирал	29
Петька и японцы	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Счастливого пути, Петька Из жизни частного охранника

Иван Ленивец

© Иван Ленивец, 2021

ISBN 978-5-0053-2113-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Петька и свиньи

Ох, рано встает охрана!

За стеной пушечно лязгнула дверь и длинный коридор гарнизонной гауптвахты наполнился гулками тяжелыми шагами. Было слышно, как кто-то истошно орал, громко матерился. Дверь камеры, брякнув запором, широко распахнулась – и смачный удар кирзового сапога вогнал внутрь расхристанного солдата с эмблемами связиста. Птицей перелетев камеру, затем бесчувственной игрушкой отскочив от противоположной стены, связист с криком: «Уррою, салаги!» – кинулся в явно бесславную для него контратаку на караульных. Караульный сержант небрежно встретил нападавшего прикладом «калаша» – и солдатик обиженно, по-детски всхлипнув, закатив глазки, тряпично сполз по маслянисто-зеленой стене на бетонный пол.

– Сержант, ты же убил его! – Петька бросился к лежащему связисту.

– Не сдохнет, – равнодушно буркнул сержант, захлопывая за собой дверь.

Петька перевернул связиста на спину, приложил ухо к груди... Кажись, тикает... Вроде живой... Вдруг сочно захрапев, связист окутал Петьку свежайшим запашком алкоголя. Вот зараза, да он же пьян!

Ночью, тяжело ворочаясь с боку на бок на жесткой лежанке гауптвахты, Петька не мог прийти в себя от возмущения...

«Господи, да как же несправедливо со мной поступили! Возьмем этого связиста, его за дело наказали, за пьянку – и правильно сделали: не пей на службе! А за что мне, лучшему заряжающему не только батарее, может быть, даже всей дивизии вlepили пятнадцать суток?! Мне – отличнику пусть не политической, однако боевой подготовки, без пяти минут ефрейтору! За что? Нет, правда, за что? Вдуматься только, за какого-то плюгавенького полковника! Всего лишь! Да мне плевать, что он из штаба округа! Пусть хоть с самого министерства обороны! Полковник сам на рожон полез, никто его за язык не тянул, за что боролся, на то он и напоролся! А мне за него пятнадцать суток, как медаль на грудь повесили: на-заполучи! Ох как обидно! Служил, старался, из кожи лез – и что получил: гауптвахту... черт бы её побрал!»

Переживает Петька, до глубины души возмущен, ведь он так рвался на службу в армии! Сам! Добровольно! И это в нынешнее время, когда молодежь калачом в армию не заманишь, когда каждый второй призывник всеми доступными и недоступными путями и способами старается откосить, увильнуть, улизнуть, уклониться, спрятаться, избежать почетной обязанности защитника Отечества, будто бы уже и защищать стало нечего.

Нет, он – Петр Бурцев – не из таких, он готов был идти служить и верой, и правдой, и душой, и каждой клеточкой своего могучего тела! В день, когда ему исполнилось восемнадцать, он сам пришел в райвоенкомат и прямо с порога заявил: «Возьмите меня в армию!» Военкомы безмерно удивились, душевно поблагодарили и сказали кратко: «Иди домой, жди повестку».

В апреле, когда пришла повестка, Петька широко, по-деревенски отгулял на своих про водах и, распрощавшись с хмельными земляками и с плачущими родителями, автобусом был доставлен в райцентр. Пока ехал, смотрел в окно, на душе было и радостно, и в тоже время грустно. Радовался, что увидит своими глазами самую большую в мире страну, познакомится с новыми интересными людьми. Только ради этого стоило идти в армию? А грустил от расставания с родными местами, где прошла вся его, пока еще, такая короткая жизнь.

В военкомате Петьке первым делом наголо обрили голову, сделав ее похожей на осеннюю тыкву, затем предложили пройти медицинскую комиссию, написать автобиографию. Медкомиссия для него – не проблема, здоров как деревенский племенной бык, любому салазки загнет. А вот над биографией Петьке пришлось изрядно попотеть, попариться, будто в хоро-

шей деревенской баньке. Нет, правда, о чем писать-то? Ну родился, ну крестился, ну учился... Стоп! А вот учился Петька, чего уж там греха таить, очень даже плохо! Впрочем, плохо-не то слово, ну не давалась ему учеба вовсе, едва-едва девять классов одолел, да и то не без помощи отцовского ремня. Ну не давалась, хоть ты лопни! Господи, да и какая в деревне может быть учеба? Тут тебе то копка, то посадка, то прополка, то уборка... сенокос еще, то козу паси, то корову... а потом и вовсе школа сгорела, в сельсовете пришлось заниматься, друг у дружки на головах сидя. А ведь пацану еще и погулять хочется, и на речку смотаться, и в лес за грибами-ягодами сбегать – до учебы ли? Даже родной батька, махнув на непутевого сынка рукой, сказал прямо и бесповоротно: «Петька, стервец ты этакий, решил я так: не хочешь ковать золото – пойдешь ковать железо!» Железно, как отрезал сказал – и отвел он Петьку в бывшие совхозные мастерские, ныне – переименованные в арендное товарищество. Там глянули на пацана – а пацан в свои пятнадцать вымахал выше любого деревенского мужика, – покачали головой, мол, ну и каланча пожарная- и определили в помощники к кузнецу.

О, братцы мои! Работа в кузнице, это вам не учеба, это – совсем другое дело! Совсем. Работать Петьке нравилось больше, чем учиться, тут и ходить далеко не надо.. Три года махал он кувалдой пудовой по добела раскаленному железу, мастерство повышал, деньги за свой труд получал, заслужил уважение односельчан. Ну, а заодно, здоровье себе выковал такое, что призывная комиссия, глядя на обнаженные тела могучего новобранца из глухой глубинки, то ли в шутку, то ли всерьез озадачилась: в какие войска направить этого деревенского медведя? В пехоту, вроде как не с руки – слишком заметная для противника мишень, да и окоп для него двухметровый нужен; в танковые – ни в один люк не пролезет, к тому же танк утяжелит на сто тридцать килограмм, отчего упадет скорость; в десант нельзя – а вдруг ни один парашют не выдержит; в саперные – опять же, тяжел, подорвет и себя, и других... Прямо не новобранец-сплошная проблема! Петька тогда рассердился вслух: дескать, товарищи начальники, вроде и армия у нас большая, а вы одному человеку не можете найти достойное место службы. И с ходу попросился в военно-морской флот, больно уж у моряков форма красивая, одна бескозырка с ленточками чего стоит. Но ему отказали, сославшись на отсутствие разрядки и среднего образования у призывника. На что Петька, вполне резонно, опять высказал недовольство вслух: неужто носить бескозырку – обязательно среднее образование? Члены призывной комиссии дружно отсмеялись и предложили ему пойти послужить в артиллерии, мол, с твоей силищей там самое место. Петька было заартачился, однако вспомнив слова деревенских мужиков, что артиллерия – бог войны, согласился быть артиллерийским богом.

В армии Петьке понравилось. Тут тебя оденут-обуют, накормят-напоят, вовремя спать уложат-поднимут, и даже кино покажут, и главное – всё бесплатно! А что, в армии и особото думать не надо, здесь за тебя день-деньской отцы-командиры думают. А что касается обещанных армейских трудностей в виде марш-бросков или одуряющей строевой подготовки, то это для Петьки – тьфу! – почти удовольствие, он ведь мужик, а не какой-нибудь сопливый маменькин сыночек. Служба, вроде бы, и хорошо началась, но одно омрачало однообразие армейских будней молодого солдата – постоянное чувство голода, от которого, как известно, не убежишь, не спрячешься, как от надоедливой соседи. И преследовало его это неотвязное чувство и день, и даже ночью- отчего ходил Петька вечно голодным, подобно беззобой курице, не хватало молодому растущему организму калорий армейского пайка. Огляделся он, пораскинул мозгами и напрямик направился к командиру учебной батареи.

– Товарищ старший лейтенант! – вытянувшись перед комбатом, преданно поедая его глазами, сплеча рубанул: – Прошу перевести меня на кухню!

– С чего бы это? – не понял старший лейтенант.

– Имею огромное желание добровольно перейти служить на кухню, – не моргнув глазом, объяснил Петька. – Согласен на рядовую должность повара или хлебореза. Готов к любым трудностям и испытаниям.

Комбат было грозно набычился, затем, усмехнувшись, сказал:

– Добровольно, говоришь? Что ж, похвально, похвально! Ты что, умеешь готовить?

– Так точно, умею! Запросто могу щи сварганить, могу картошечки с салом нажарить, окрошку могу с квасом организовать... – перечислял свои кулинарные способности Петька. – Люблю ушицей побаловаться...

– Ушицей, говоришь? Ну-ну! – перебил комбат самозванца-кулинара. – Ушицей – это хорошо, я ушицу люблю... – И вдруг, как оглашенный, заорет: – Сми-ирно! – Петька, как ошпаренный, бросил руки по швам. – Разгильдяй! В хлеборезку захотел, в тепло, в сытость?! Я тебе такую ушицу заварганю! Кру-гом! Шаго-ом... арш!!

Жаль, конечно, но не пожелал комбат отведать Петькиной ушицы, наверняка многое он потерял. Зато Петька, ещё больше. Погнал его комбат строевым в учебный класс, к стопятидесятидвухмиллиметровой красавице, к гаубице «Гиацинт-Б» с массой под десять тонн, с сорокашестикилограммовым снарядом! Погладил комбат гаубицу – ну точь-в-точь как деревенский конюх любимую кобылу – и сказал пусть и пафосно, но убедительно внятно и понятно:

– Слушай меня внимательно, солдат. С сегодняшнего дня и до окончания «учебки», эта боевая подруга заменит тебе все твое свободное время. Забудь про него! А также забудь про кухню с хлеборезкой, про увольнение в город, про интересное кино забудь, и даже, про свою любимую девушку, оставленную дома, забудь! Всё забудь! Ну почти всё! Отныне, все твои помыслы должны быть только об этой красавице, и только о ней! Ты будешь ухаживать за ней, лелеять ее, любить как самого себя. И пусть она к тебе даже во сне приходит. Ты понял меня, солдат?

– Так точно, понял! – Петьке ничего не оставалось, как усердно рывкнуться. Комбат вздрогнул, но похвалил:

– Молодец! Я верю, из тебя выйдет настоящий артиллерист! – и добавил: – А про кухню забудь. Не забывай только о папе-маме, пиши им.

Всё забыть, кроме родителей! И как тут не забудешь! С того злополучного дня и до окончания «учебки», у Петьки совершенно не оставалось свободного времени. Когда личный состав батареи строем шел в кино или писал письма любимым девушкам, а по воскресеньям играл в футбол или шел в увольнение – Петька напрямик направлялся к длиннеей подруге, к гаубице – нарезной, дальнобойной. Он разбирал в многотонной красавице все, что можно было разобрать, он смазывал ее, без конца мыл-чистил так, что иногда смотрелся в нее, как в зеркало. Зато гаубицу «Гиацинт-Б», Петька знал, как свои пять пальцев. Между прочим, в столовой ему стали выдавать двойную пайку за почти двухметровый рост и приличный вес.

Кстати, о весе. Прислали нового инструктора по физподготовке, только что окончившего физкультурный институт или академию. И вот взбрела в его, еще не зацементированную Уставом голову светлая мысль: а не взвесить ли молодых солдат для дальнейшего улучшения их физической подготовки. Взвесили! Итог неутешительный: недобор веса у двенадцати, перебор – у двоих солдат.

Физкультурник недолго думал: не добравшие- за два года вес и так наберут, а вот толстячков надо привести в норму. В число последних попал и Петька, хотя толстяком он себя не считал и ни о какой установленной норме слухом не слыхал. Недолго думая, инструктор решил проверить действительность своей собственной методики – рядовым Бурцеву и алтайскому немцу Мельхеру, за два настоящих кожаных ремня, сзади было прицеплено по двухпудовой гире! Прицепили, похлопали по плечу: вперед орлы, бегом на пятый этаж казармы! Давай, давай! На что уж силен был Петька, но после двух подъемов-спусков употел он, подобно орудийной ветоши, хоть отжимай; про немца и говорить нечего – дополз до второго этажа и сдох! Конечно, не в прямом смысле сдох, просто ноги подкосились, дышалка подвела, упал в первый же день. А вот Петька, на другой день, туда-сюда поднялся аж четыре раза, на третий – шесть раз. Взбирается он наверх и каждый раз ощущает, как его, и без того сильное тело,

наливается еще большей силой – вот такая классная тренировочка получается! А что, готовый рецепт для многочисленной армии похудеть, притом бесплатный рецепт: ни тебе дорогостоящих импортных таблеток, ни новомодных диет, ни турецко-финских бань и прочего фитнеса – нужна лишь одна двухпудовая гиря и собственный пятиэтажный подъезд! Всего-то! Через неделю – одиннадцать кило как не бывало!

А где же немец с Алтая? Увы, немец, к сожалению, на второй день вообще сошел с дистанции, сердечко подвело парня, хотя внешне он выглядел здоровым – если, конечно, судить о его здоровье по жировым складкам, что висели на нем, как капустные листья на кочане. До смерти, слава богу, не дошло, в госпитале отходили солдатику, подлечили и вчистую комиссовав, домой отправили – с сердцем шутки плохи. Петьке было жалко немца, но что поделаешь, это – армия, здесь надо с достоинством и честью переносить предложенные тебе трудности. Мужественно терпеть и переносить!

В общем, Петьке в армии нравилось, его даже старослужащие не донимали, так – иногда. Например, однажды ночью «старички» шутки ради, засунули ему промеж пальцев левой ноги «Суворовский натиск», цельную газету- и подожгли. Спичкой-газету! Пацаны пошутили. Дикая боль рванула сонного Петьку с койки. Спросонок, ничего не соображая, заорал он благим матом: а-а-а! Старослужащие, держась за животы, покатывались от смеха. Озверев от боли, Петька схватил дубовую табуретку и кинулся на обидчиков; те – объединенной стаей на него. Как позднее вспоминали прочие солдаты, заварушка была похлеще крутого американского боевика. Наутро, Петькина физиономия напоминала включенный цветной телевизор, старослужащие тоже разными телепрограммами мельтешили. На вопросы офицеров, что произошло с физиономиями доблестных артиллеристов, все дружно отвечали: мол, всё нормально, просто совершенно случайно произошло одновременное падение солдат со второго яруса во время ночного кратковременного землетрясения в два балла по шкале Рихтера. Но командиры, собаку съевшие на подобных «падениях», решили, что не многовато ли цветных телевизоров на одну батарею, – и, в итоге, «старикам» вклеили по три наряда вне очереди за хождение по казарме после отбоя, а «молодому» два- за порчу казенного имущества, конкретно-дубовой табуретки. А что, всё правильно, без обид – одной армии солдаты, российской!

Нет, что бы там плохого нынче про армию ни говорили, а служить Петьке нравилось. И если бы не политзанятия... О, будь они прокляты! Петьку прямо в дрожь бросало, когда объявляли: «На политзанятия: марш!» И тогда он был готов в одиночку разгружать вагоны с тяжелыми снарядами, вагоны со смерзшимся углем, готов был драить все дивизионные туалеты – на всё был готов, лишь бы избежать бросающих его в дрожь «нервно-паразитических занятий» – так он называл политзанятия.

Как известно, Петьке с трудом давалась учеба, а тут молоденький, только что из училища лейтенантик – зам. командира батареи по воспитательной работе, – и зудит, и зудит, как двуручная пила: то про Конституцию с парламентом, то про президентов с думскими фракциями, то про какие-то чертовы импичменты... чтоб им всем провалиться в свежую воронку от снаряда! Нет, это какую надо иметь заумную голову, чтобы запомнить всю эту политическую галиматью? Да и вообще, надо ли это солдату, у которого своих – армейских! – забот по горло? Лучше бы лишний часок поспать дали или свежее кино про любовь показали.

Петька сначала добросовестно и зубрил, и записывал замполитовские наставления, но чем активнее он это делал, тем непонятнее они ему становились. Господи, ну ни в зуб ногой он, ну не приспособлен его мозг ни к политике, ни к разным мудреным словечкам... леший их всех заberi!

Что и говорить, плохо Петьке на политзанятиях, он – натурально большой, такой за чужие спины не спрячется, вот и сыпались на его бедную головушку бесчисленные вопросы: «Бурцев, какие российские партии тебе известны?», «Из каких палат состоит наш парламент?», «Почему наша страна называется Федерацией?». О-о! До белого каления изводил его зампо-

лит своими заковыристыми вопросами. Может быть, из-за этого, он и сам погорел, и Петьку, что называется, под монастырь подвел. Нет, скорее наоборот, это Петька его под монастырь подвел. Дело было так...

Перед очередными выборами для проверки в дивизию приехала комиссия из политуправления округа. Из самого округа! Присутствующий на политзанятиях окружной майор, без лишних разговоров задал хитрый вопрос: «Чем отличается предвыборная программа Жириновского от программы Явлинского?» Вопрос хоть и хитрый, однако, как говорится, к месту. И как вы думаете, на кого пал выбор отвечать? Ну конечно же, на бедного Петьку, хотя рядом сидело много других солдат, некоторые даже с высшим образованием. Петька вскочил и заворочал мозгами, пытаясь вспомнить хотя бы телевизионный облик названных политиков. Ну, хотя бы облик, куда уж там до их предвыборных программ! Почему-то всплыло в памяти одно: важное, самодовольное лицо, что-то обещающее, чему-то поучающее, кого-то порицающее: одно на двоих лицо! И больше ничего! Тупик! Петька беспомощно посмотрел на своего замполита-мучителя, тот – угрожающе кулак ему показал, мол, не ответишь – в нарядах сгною. Петька рискнул.

– Товарищ майор, ничем они не отличаются, – ответил нагло.

– Как это не отличаются, почему? Рядовой, вы обоснуйте, обоснуйте свой ответ. Ну же, смелее... – — окружной майор с явным интересом ждал ответа.

– Дак это... похоже, свояки они, или сводные братья, а может, и вовсе братья-близнецы, оттого и программы у обеих одинаковые, – ляпнул Петька от безысходности.

– Братья, близнецы?! – удивленно переспросил майор, в растерянности оглядывая солдатскую аудиторию, словно не зная, что ещё можно от неё ожидать. – Надо же, братья, а я и не знал... Что-то новенькое... Рядовой, а с чего вы взяли, что они братья?

– Дак это... вы сами на них гляньте, больно уж они лицом схожи... опять же, фамилии...

– Понятно! – окружной майор мельком удостоил взглядом замполита – тот опустил глазки в пол. – Эх, рядовой, рядовой! Как вас там? Бурцев? Да Бурцев, с такими, как вы, мы никогда не построим капитализм, – с укором закончил майор.

Петька виновато кивнул, мол, действительно, жаль, что не построим, но что поделаешь – он призван в армию служить, а не что-то там строить. На этом занятие закончилось. Оконфузившийся замполит получил строгий выговор за слабую работу с личным составом и приказал Петьке больше не появляться на политзанятиях; этого ему показалось мало, и он порекомендовал старшине батареи «занять этого тупого бездельника на самых тяжелых работах». Наконец-то Петька смог облегченно вздохнуть.

Нет, как бы то ни было, нравилась ему служба армейская. Он стал классным заряжающим, материальную часть орудия знал на «отлично», неподъемные для других снаряды, в его могучих руках порхали в воздухе, как шарики в руках искусного циркового жонглера: один снаряд еще в стволе, а он уже другой подает, приходилось сдерживать парня, чтобы, не дай бог, он своим чрезмерным усердием и гаубицу не взорвал, и расчет не угробил. По карьерной лестнице Петька обещал далеко пойти, и, наверняка быть бы ему ефрейтором, если бы не жара тридцатиградусная... будь она неладна!

Подоспела годовая проверка боеготовности частей округа. На полигоне Петькина батарея отстрелялась на «хорошо» и «отлично». Сам он благодарность получил за сноровку и четкие действия «при отражении танковой атаки условного противника». Кто служил, тот знает, что венец проверки – строевой смотр. А что такое строевой смотр? Это и проверка внешнего вида солдат, и чистота содержания личного орудия, и знание ими армейских уставов, а под конец – строевая подготовка всего подразделения в едином строю, когда сотня пар подбитых железом сапог, как один удар: р-раз! р-раз! И стонет от боли бетонка, и песня лихая ввысь рвется, и именно в такие минуты понимаешь, что армия – это не просто сборище молодых людей, армия- это монолит, скрепленный дисциплиной и общей ответственностью за спокой-

ный сон своей страны. Вот что такое армия! Ради таких незабываемых минут, Петька готов был идти служить в армию еще, и еще раз!

К строевому смотру он подготовился основательно: форма постирана-отглажена, шею нежно обнимает новенький подворотничок, сапоги блестят домашним самоваром, автомат почищен и смазан, воинские Уставы еще раз прочитаны – вроде бы, всё честь по чести.

Жарко... Плац под ногами в буквальном смысле плавится, солдаты, побатарейно потев в строю, дожидаются проверяющих из округа. За Петькиной спиной, «голичники» из высокообразованных зашпорили: из-за чего император Наполеон проиграл битву под Ватерлоо? Один говорил, что из-за такой вот жары, другой утверждал, что тот просто позорно проспал. Петька сначала с интересом прислушивался к непонятному для него спору, потом его сморило, потянуло в сон, задремал он...

Бац! Толчок в спину... А? Что? Открыл глаза... Батюшки! Полковник! Из штаба округа! Худенький, маленький, глаза строгие, настырные. Стоит, голову с фуражкой-аэродромом задрав, пялится на солдата, как «скорый» на закрытый семафор. Воины, стоящие позади, зафыркали. Жеребцы! Специально не разбудили, повеселиться пацанам захотелось. Мотнув головой, будто овода надоедливое отгоняя, Петька представился: рядовой такой-то, батарея такая-то... и руку штабисту протянул, должно быть, желая лично с ним познакомиться. А что, прикорнул немного парень, а со сна мало ли чего не бывает.

Полковник, вскинув брови под козырек, проигнорировал протянутую руку рядового; правда, свою руку он всё-таки протянул, но совсем по другому поводу.

– Рядовой Бурцев, ваше оружие.

Петька четко сдернул с плеча автомат, правой рукой протянул его полковнику и доложил: номер автомата такой-то. Штабист щелкнул предохранителем, лязгнув затвором, заглянул в ствол. Затем достал из кармана клетчатый носовой платок, свернул кончик трубочкой и принялся тыкать им во все доступные внутренности автомата. Чисто, чисто, чисто... Солдатский строй терпеливо ждал, свита полковника с показным любопытством во все глаза наблюдала за действиями своего прямого начальника. Всем было жарко... Наконец полковник без каких-либо комментариев вернул Петьке автомат, но не пошел дальше вдоль строя, а по-прежнему глядел на него снизу вверх, словно обдумывая, к чему бы еще придаться. И, конечно же, нашел! Ещё бы, полковнику да не найти. Заставив всех вздрогнуть, скомандовал зычно: «Кругом! Напра-во! Нале-во!» Петька четко, как учили, выполнил строевые приемы. Он уже понял, что так просто от него штабист не отцепится, тут и дураку понятно, что маленькие не шибко любят больших, а слабые – сильных.

– Рядовой... – слегка замаялся полковник, видно, из-за жары успевший забыть фамилию солдата, – ответьте мне на такой вопрос: кто есть часовой?

– Часовой есть лицо неприкосновенное! Часовой подчиняется своему разводящему! – отбарабанил Петька, нависая над штабистом, как могучий дуб над мелким кустарником. Полковник согласно кивнул и, прикрывшись прохладной Петькиной тенью, не спешил идти дальше. Затем он вытащил из кармана все тот же клетчатый платок, тщательно вытер им шею и только после этого задал следующий вопрос.

– Рядовой, представьте себе такую ситуацию: на охраняемый вами объект направляется, к примеру... генерал! Он идет один, без разводящего, без начальника караула! Ваши действия?

Вопрос был явно провокационный, на засыпку, но Петька по причине малого срока службы точного ответа не знал, а может, и знал, но из-за жары забыл. Вопросик еще тот! Вроде бы, про одинокого генерала ни в одном армейском Уставе не сказано. Или есть что-то? Ничего не вспоминается, абсолютно ничего. Ну, как тут не растеряться? А еще жара, в горле пересохло, захотелось пить, в тенек спрятаться. И Петька понес отсебятину:

– Товарищ полковник, так не бывает, генералы по одному не ходят, они все больше толпой...

Свита, хрюкнув, закрыла рты. Полковник нервно дернул погонами.

– Рядовой, вы что, на солнце перегрелись? Вам был задан вопрос по существу. Отвечайте!

Петька, мучительно вспоминая, бегло перелистывал в уме Устав караульной службы. Ну нет там ничего про генерала, нет!

– Рядовой, я жду, – напомнил о себе полковник. Свита за его спиной одобрительно зашепестела, мол, давай солдат, рожай быстрее, не сахар на жару стоять.

– Увидев генерала... – медленно, но в верном направлении соображал Петька, – идущего на охраняемый мной объект, я крикну ему: «Стойте! Кто идет?» Если генерал не послушает меня, попрет нахрапом, я стрельну разок вверх, положу его мордой в грязь, вызову караул. Мне без разницы, генерал он или не генерал, я есть – часовой, лицо неприкосновенное и подчиняюсь только...

– Хватит, хватит! – махнув рукой, оборвал его полковник и, несмотря на жару, зябко поежился, должно быть не желая оказаться на месте генерала. – Н-да, устав вы знаете... в общих чертах.

Фу-у! Петька широко заулыбавшись, расслабился. Полковник дернулся было пройти вдоль строя, но то ли побоялся лишиться спасительной тени, то ли ему не понравилась самодовольная ухмылка рядового – он, резко тормознув, опять укрылся в спасительной прохладе.

– А скажите мне, рядовой, – хитренько прищутив глазки, задал он новый вопрос, – кто у нас сейчас президент? Назовите его фамилию.

«Господи, – простонал про себя Петька, – опять эта долбаная политика! Вот репей трехзвездочный! Перед ним батарея стоит, полк, дивизия, а он меня на такой жару пытается, прямо садист какой-то! Лучше бы спросил про калибр гаубицы, про дальность стрельбы, вес снаряда! Так нет, прицепился со своей глупостью, будто сам не знает, кто... у нас президент? А действительно, кто?»

Петька, к своему ужасу, вдруг понял, что он забыл не только фамилию президента, но и фамилию комбата, и даже как зовут старшину батареи – забыл! Позорно забыл! Хотя нет в этом ничего позорного, такое может случиться – и частенько случается в жизни каждого человека. Переволновался солдат, к тому же, прибавьте сюда ещё и давящую на мозги жару!

– Рядовой, минута прошла, – мстительно напомнил полковник, постукивая указательным пальцем по стеклу наручных часов. – Или вы опять в строю уснули?

«Ну кто же, кто у нас президент? – Петька, казалось, напряг все имеющиеся у него мозги – бесполезно: мысли на жару испарились, как вода из солдатской фляжки. – Но я же знал, знал! – истекал он соленым потом. – Ну забыл, просто забыл! Хоть бы кто-нибудь подсказал... Парни спорили про императора... как там его – Наполеона. Нет, не то! Надо же, про Наполеона вспомнил... Ну кто же, кто?! Замполит, помнится, про двоих говорил... точно, двое их было! Ей-богу, двое!»

И Петька попытался как-нибудь вывернуться.

– Товарищ полковник, а вы про какого президента спрашиваете: первого или второго?

– Что-о?! Что значит, какого?! – отстрелянной гильзой дернулся полковник. – Запомните, рядовой, у нас с вами один президент! Один! Он же – Верховный главнокомандующий!

«Мать честная, еще и Верховный! – совсем запутался Петька. – Как же один? Вон их сколько: первый, второй, а тут тебе еще и Верховный!»

– Громче, рядовой, не слышу, – ехидно осклабился штабист, словно беря реванш – выражаясь футбольным языком – за поражение в первом туре.

«Ну почему я замполита не слушал, зачем убегал с политзанятий?» – корил себя Петька. Сейчас ему, ну очень хотелось, чтобы строевой смотр побыстрее закончился и батарею повели на обед в столовую, говорят, когда здесь проверяющие из округа, кормят сытнее, до отвала и будто бы, даже настоящим узбекским пловом с мясом.

– Рядовой, почему молчите? Вы что, своего президента не знаете? – поскрипывая хромом сапог, полковник угрожающе комкал носовой платок. Свита, будто предчувствуя взрыв начальствующей ярости, заранее втянула головы в плечи. И, лишь командир Петькиной батареи, одиноко жестикулировал руками: то сводил ладони вместе, то разводил их, сводил-разводил, сводил-разводил, сверху вниз, сверху вниз...

«Чего это он фокусничает? – сначала не понял Петька, потом догадался:– А, подсказывает! Ну-ка, ну-ка... Очень похоже на... елку. Точно: елка! Ель! Она самая!»

– Вспомнил! Вспомнил! – заорал он на весь плац – плац вздрогнул. – Ёлкин его фамилия! Борис Ефимович по батюшке! Он еще всех на «Волги» обещал пересадить! Потом рельсу собирался куда-то перенести, нам замполит об этом рассказывал...

Петька сиял от радости: надо же, он вспомнил, вспомнил! Только отчего это полковничья свита за головы схватилась? И куда исчез комбат?

– Какой Ефимыч?! Какая рельса?! – завизжал полковник, до белизны сжимая маленькие кулачки. – Кто этого недоделанного идиота в строй поставил?! Кто командир этого болвана?! – он повернулся к свите – свита отшатнулась.

– Мать- перемать, и ещё раз вашу мать... – над плацем повис густой полковничий мат, похожий на пороховой дым над полигоном. Видно, здорово перегрелся на солнце полковник, достала его жара. Она и Петьку достала, хотя он много моложе и внешне гораздо здоровее хилого штабиста. Достала и так шарахнула по затылку, что у него в голове всё перемешалось: и президенты с генералами, и елки с «Волгами», и жара с сытным пловом – ну абсолютно всё! Дошло до того, что слушая забористый многоэтажный мат окружного начальника, Петька против своей воли, вдруг ляпнул:

– Товарищ полковник, зачем вы так, материться – очень большой грех, мне ещё мама об этом говорила.

– Что... что он сказал? Какая на... мама?! – свекольно побагровев, грубо выругался полковник. – На гауптвахту придурка! На полную катушку! На пятнадцать суток! И еще на пятнадцать! И еще, еще!

– Да вы что, товарищ полковник! – очень даже искренне возмутился Петька. – Это уже ни в какой Устав не лезет! Больше пятнадцати суток не имеете права, я Устав знаю!

– Как... кто ему разрешил?! Что он себе позволяет?! – негодуя захлопал глазами штабист, нервно дергая головой.

– Да не волнуйтесь вы так, – с сыновней заботой, рядовой добивал полковника. – Помнится, опять же моя мама говорила, что все болезни от нервов, а болезнь, как известно, она и свинью не красит...

– К-какую свинью?! К-кто свинья?! – заикаясь, полковник рванул на себе ворот зеленой офицерской рубашки, серый галстук скользнул на бетон. – В свинарник его! И не выпускать... никогда!!

– Ну это вы зря, товарищ полковник, – Петька осуждающе покачал головой. – Что свинья, что человек – естество-то чай одно, хоть и одежки разные...

Похоже, это простодушное заявление рядового окончательно добило полковника: по-детски всхлипнув, киношно закатив глаза, он зашатался и рухнул на руки подоспевшей свиты. Жара, будь она неладна!

А что вы хотите, за время долгого стояния на адском солнцепеке случалось не одному молодому солдату упасть, а тут – старший офицер в немалых годах, он что – не человек? Вообще-то, зря полковник с дипломом военной академии связался с рядовым первого года службы. Ой, зря! Таких учить уму-разуму – только портить. Среди нынешних призывников такие продувные бестии попадают – мама не горюй! Молодежь сейчас шибко грамотная пошла, языкаястая, не признающая авторитетов, ей палец в рот не клади – до плеча отхватит. Но, как говорится, что произошло, то произошло, назад только рак пятится.

Короче, рядового Бурцева прямо с плаца сопроводили прямым ходом на гауптвахту, где он честно «отпахал» пятнадцать, незаслуженно полученных, по его мнению, суток. Именно «отпахал»! После чего вернулся в свою, ставшую ему родной батарею, где его, оказывается, вовсе и не ждали. Совсем, как в той песне: мы не ждали вас, а вы припёрлись. Приказ был четок и лаконичен: кру-гом! шагом марш... в свинарник! Куда-куда??? «Товарищи! – протестующе завопила Петькина душа, – ну не свинство ли это, а?! Я же служил, старался как мог, из кожи лез – и к свиньям! Ох как обидно, как стыдно мне!». Однако, приказ есть приказ, в армии-приказы не обсуждаются, они-выполняются. Напоследок, Петька покаянно обратился к командирам: « Прошу меня простить за то, что я вас под монастырь подвел, и слава богу, что всё обошлось, что вы все при своих званиях-должностях остались. Простите...». Отцы-командиры великодушно простили неудачливого солдата, хотя и шарахались теперь от него, как от черта лысого. Вот так Петька оказался в свинарнике. И продолжил он службу в хозяйственной роте, точнее- в свинарнике. Зато теперь он стал знаменит, прогремел на всю дивизию, ведь не каждый рядовой, вот так запросто, по-свойски, может позволить себе побеседовать с полковником из округа! Это еще заслужить надо! Если честно, то на того полковника из округа, Петька обижался, но не долго: служить в свинарнике, как оказалось, вовсе не так уж и плохо, скорее-наоборот. Служи себе спокойно: ни тебе подъема-отбоя, ни марш-бросков, ни строевых, а главное – никаких политзанятий! Здесь он сам себе и старшина, и замполит, и командир! Правда, запашок не очень, но Петьке в навозе копать не впервой, дело для него привычное. Первое время, он по- своей подруге длинношеей – гаубице – даже скучал. Потом нашел выход – недалеко находилась площадка с полностью израсходовавшими матчасть «Гиацинтами» под брезентом – туда и стал, изредка, заглядывать. Подходил, гладил, вздыхал – и к себе в свинарник возвращался. Иногда, чтобы не потерять приобретенные ранее навыки, как бы тренировался. Ворочал, крутил, вертел, прицеливался, ну и, понятное дело, стрелял засекая время: норматив выполнен – и опять торопился к свиньям, домой!

Зайдя в первый раз на свое новое место службы, Петька охнул: «Ох, ну и бардак!» Входные двери на одной петле болтаются, крыша как решето, стекла через одно повыбиты, кое-где фанерой забиты, мертвые поросята промеж живых валяются: тихий ужас! Полное безвластие и сплошная анархия! Бывший солдат-свинарь, должно быть, продав местным свинину, третий день где-то в самоволке болтается, видно, в дисбат нацелился, придурок. Крайне необходимо проводить реформы в мясном хозяйстве, хотя бы на местном уровне. Петька – трудяга, ему любая работа в радость. Засучил он рукава, с охоткой за дело взялся. Что-то подправил, подремонтировал, крышу новым шифером перекрыл, стены побелил, полы перестелил, стекла вставил, кое-что подкрасил – и заблестел свинарник, как новенькая снарядная гильза. И это еще не все! Что для свиньи главное? Правильно – лужа. Подогнал трактор, сам взял в руки лопату, поплевал на ладони – и вдвоем они соорудили большую яму-ямыщу. Потом машина-водовозка наполнила ее водой: купайся, жируй, размножайся свинячье племя!

Покончил с животной анархией – свиньям как и людям, дисциплина необходима. Уж это Петька хорошо усвоил, сам недавно прошел курс молодого бойца. Муштровка у него еще та была! Бывало, скомандует как бы шутя: «А ну, гвардия, стройся на обед!» – и ушастый строй замирает через пару минут, равнение не хуже, чем роты почетного караула. Шутка, конечно. Всем свиньям Петька клички дал: свинья без клички – мясо. Что и говорить, признали свиньи Петьку командиром, пусть строгим и требовательным, но справедливым. Вот до чего доходило: идет он, к примеру, за письмом родительским в свою бывшую батарею, свиньи за ним маршируют, нога в ногу, в сторону никто не смей. Бывшие Петькины сослуживцы за животики хватаются: «Петька, да ты никак свинячьим сержантом стал! Ха-ха-ха!» Петька на шутки не обижается – пусть ребята посмеются, в армии смех так же необходим, как и оружие.

К одному он никак не мог привыкнуть – резать свиней своими руками. Впрочем, у нас на это дело желающих – нет отбоя.

Отцы-командиры на нового свинаря нарадоваться не могут: в свинарнике образцовый порядок, поголовье свиней растет как на дрожжах, мясо-сало в солдатской столовой не переводится; за одно-единственное подразделение в дивизии, командование могло не беспокоиться – за свинарник: ни пьянок, ни самоволок, ни «дедовщины» – везде бы так!

А сам Петька еще больше физически окреп, в плечах раздался, мышцы накачал – каждое утро «двухпудовками» крестился, силушку нагонял, прямо богатырем стал. Да это и понятно почему: сало он ел с мясной прослойкой, а как известно, белок – основа роста и силы. То-то!

Между тем время шло, и вроде бы не было у Петьки повода для беспокойства, однако стал он все чаще задумываться: служба заканчивается – что дальше? Назад, в деревню? Батя в письмах сообщал, что работы в деревне нет, на днях закрыли почту, еще раньше – медпункт, автобус с райцентра стал ходить только три раза в неделю, народ мрет или потихоньку спивается. Вторая коллективизация получается – пишет с горечью. Долго Петька думал – и так, и сяк, и эдак мозгами крутил, затем взял чистый лист, ручку и вывел своим корявым почерком следующее: «Прошу командование в/ч 15365 оставить меня, Бурцева Петра Ивановича, служить по контракту, потому как очень желаю еще нашей стране послужить. Обязуюсь довести поголовье свиней до пятисот штук взрослых и молодняка. Также обязуюсь в будущем сдавать на котловое довольствие не менее двух центнеров мяса и сала в неделю. А может, и поболее. Начальник свинофермы 15365 рядовой Бурцев П. И.».

«Начальник! – закрыв глаза, мечтает Петька. – А что, не напишут же мне в военном билете – «свинарь». Нет такой должности в армии. Напишут – «заряжающий 152 мм гаубицы ««Гиацинт». А свинарь – это так, временно, никто про это и не узнает. Конечно, лучше бы написали просто «начальник» без каких-либо упоминаний про свиней. Начальник – солидно звучит и на слух приятное слово. А почему бы и нет? Это еще как повернуть. Например, если количество свиней перевести в ранг солдат, то свиней получится... навряд ли, не меньше батальона. Ого! А ведь это уже совсем, совсем другой расклад. Согласно ему, мое воинское звание должно быть никак не ниже майора. Майор Бурцев! Здорово звучит! Вот только артиллерийские эмблемы придется заменить, вместо скрещенных пушек – два скрещенных хряка. Смешно-то как!»

Смех смехом, а твердо, на все сто уверен Петька: оставят его в армии! Такими кадрами, как он, грех разбрасываться! Даром, что ли, к нему со всего округа приезжают перенимать опыт. Да-да, и такое случается! Коллеги интересуются:

– А скажите, Петр Иванович, отчего у вас свиньи такие толстенные, чистенькие, здоровенькие, в общем – ухоженные?

У Петьки от своих секретов нет, он – душа нараспашку, прямо говорит:

– Братцы, ну какие тут особые секреты? Любить надо своих подчиненных – вот и весь мой секрет.

Ему и верили, и не верили. Находились и такие, кто обвинял его во лжи, а один даже пожаловался на него за сокрытие профессиональных секретов в области военного свиноводства. Представляете – военного, да еще секрета! После этой гнусной жалобы, в окружной газете появилась не менее гнусная статейка под названием «Отшельник с секретами», после которой Петьку слегка пожурilo начальство, а ему самому в дальнейшем пришлось врать: мол, кормит он своих хрюшек исключительно витаминами, моет их импортным шампунем, под музыку спать укладывает. И что интересно, чем больше он беззастенчиво врал, тем больше ему верили: его «советы» заносили в блокноты, записывали на магнитофон, на память запоминали. Опровержений или обвинений в его адрес, пока что не поступало, по крайней мере, до сегодняшнего дня – из чего можно сделать вывод: Петькины новшества в военном свиноводстве, успешно и плодотворно работают. Петька и сам стал всерьез подумывать: а не заказать ли отцам-командирам магнитофон приобрести – музыка свиньям, уж точно бы не помешала.

Оп-паньки! Петьку срочно вызывают в штаб полка. Срочно! Ну все, Петя, решены твои проблемы, нужен ты российской армии, по-прежнему будешь и снабжать, и кормить ее личный состав и мясом, и салом! Только так – и никак иначе!

Помылся Петька, в чистое переоделся, наодеколонился от души «Шипром» – и в штаб двинул. За ним, как обычно, ушастая «гвардия» шествует. Свиньи хоть и по команде «вольно» идут, но организованно, спокойно, без эксцессов. Спокойно, но по сторонам зыркают насто-роженно, отчего кажется, что не дай бог, кто их командира словом-жестом обидит – мигом в ключья разорвут и глазом не моргнут.

В штаб Петькиных подчиненных, понятное дело, не пустили – враз все двери штаб-ные захлопнулись, часовой внутрь заскочил, через окошко в двери, «калашом» ошетинился. «Вольно! – вроде бы шутя скомандовал Петька. – Разойдись...» – и тотчас, клыкастый батальон расслабленно разбрелся вокруг штаба, словно окружая, блокируя, беря его в осаду.

– Здравствуйте, Петр Иванович! Здравствуй, дорогой! – крепко пожал Петьке руку командир полка – между прочим, очень-очень большой любитель сала. – Спасибо за службу, Петя! С достоинством и честью служишь, молодец!

Прямо так и сказал. Хорошо, душевно сказал, но Петька наострил уши: отчего это ком-полка так складно запел?

– Петя, как жизнь молодая? Как там твои подчиненные поживают?

Петька ответил, что нормально, и кивнул на окно. Командир не поленился, открыл окно и от восторга ударил кулаком по подоконнику.

– Ого! Вот это да! Ну и хряки! Нет, ты посмотри на этих вепрей диких! Ишь, ишь как клумбы роют! А клыки, клыки-то – ну чисто кинжалы! С такими лучше не встречаться на узкой тропке, враз зададут копот! Прямо жуть берет, ружьишко само в руки просится...

«Чего он дергается, как петушок молодой? – Петька выжидающе разглядывал жирный затылок командира полка. – Будто, специально туман напускает. Неужто с моим рапортом неувязка вышла? Да нет, не может этого быть...»

– Понимаешь, Петя, – поворачиваясь, виновато начал подполковник, шаря глазами по обоям, – тут такое дело... Полковник Шатохин, ну тот самый, проверяющий из округа, твой старый знакомый – получил генерал-майора и назначен командующим артиллерией и ракет-ными войсками округа. Думаю, ты сам понимаешь, чем это грозит нам... тебе лично?

– Понимаю, – обреченно вздохнул Петька. Медным тазиком накрылся его контракт. И ничего не попишешь, видно, нет мне места в российской армии, так что, бери шинель – иди домой.

– Вот и отлично! – не смог сдержать радости подполковник, однако сообразив сделать кислое лицо. – Петя, друг, ты на меня не обижайся, ведь ты же знаешь, как я хорошо к тебе отношусь! Я считаю, что ты – находка для всех нас, для полка, дивизии, армии нашей! Если бы это было в моих силах, я бы для тебя... для тебя... Э-э, да что тут говорить! Ты сам понима-ешь – приедет генерал Шатохин в полк, а тут – ты! Собственной персоной! Представляешь, что будет? О-о! Небу жарко будет! Мне уже раз из-за тебя так холку намылили – вспомнить страшно. Он на днях звонил и, как бы между прочим, интересовался свинарником, стало быть – тобой! Говорят, Шатохин злопамятный, тут даже твое сало не поможет, гастрит у него, на диете он – мне об этом давний сослуживец по секрету сообщил. Так что, извини, – беспомощно раз-вел руки в стороны комполка, – наломал ты дров, колоть- не переколоть. Не могу я тебя оста-вить служить по контракту, ну физически не могу! Любого разгильдяя оставляю, тебя – не могу! И ты меня пойми, у меня семья, карьера, пенсия! Извини...

– Да чего уж там, всё я понимаю, – Петьке даже жалко стало подполковника, действи-тельно, зачем ему карьеру портить. Захотелось на улицу, лучше слушать веселое повизгивание бесхитростных свиней, чем скулеж командира полка, который желает быть, и нашим и вашим. Вопрос о его дальнейшей службе в армии решен на высоком окружном уровне, и бесполезно

ему, с пустыми погонами рядового, переть против генеральских звезд – только шею себе свернешь. Так что, бери Петя в белы ручки дембельский чемодан – и пошел вон из армии, здесь тебе места нет!

– Петя, уезжай, не ставь меня под удар! – продолжал причитать подполковник. – Уезжай, я для тебя все, что в моих силах сделаю. Хочешь – проездные в Москву выпишу... в Краснодар – пожалуйста! Или ты в Сочи желаешь?

– Да вы успокойтесь, товарищ подполковник, уеду я, – махнул рукой Петька. – Уеду, но с одним условием... – командир полка тревожно напрягся. – Напишите родителям благодарственное письмо, отслужил-то я честно, нормально отслужил... И еще – такое письмо напишите, чтоб за душу, с чувством чтоб!

– Петя, дорогой, о чем разговор! – облегченно расслабился подполковник. – Я сейчас же начальнику штаба... Нет, я сам напишу! И командир дивизии подпишет. Эй, писаря ко мне! Садись, бери ручку, диктовать буду...

А Петька пошел собираться на «гражданку». О том, как он прощался со своими хвостатыми подчиненными, лучше не рассказывать: это очень и очень грустно. Животные – они ведь всё понимают, всё чувствуют, только сказать не могут. А жаль!

На «гражданке» Петька частенько вспоминал – особенно, когда на душе у него было плоховато, своих хрюшек, перед глазами появлялись их доверчивые розовые мордашки, будто слышал их довольное похрюкивание, видел загнутые вверх хвостики – и сразу жизнь становилась веселее, и жить хотелось. Однажды не вытерпел, написал в часть письмо: мол, как там моя клыкастая «гвардия» поживает? Старшина его бывшей батареи ответил коротко: «Петя, хана твоим хрякам! После твоего отъезда накормили их какой-то гадостью, передохли все единовременно, все разом откинулись. Бензином облили, сожгли всех в одной яме...»

«Отравили! Облили! Сожгли! Да как же так? Что же вы наделали, люди?! Я же их растил, лелеял, поднимал, а вы что?! Зачем вы так? Оставили бы меня с ними – все были бы живы и здоровы... Эх, люди, люди!»

Петька и Кафка

Ох, рано встает охрана!

За окном дождь. Мокрые ветки деревьев, цепляясь за металлические решетки, словно жалуются им на сырость; на подоконнике шуршит бумагами хулиганистый сквознячок; подмигивая, красноглазая сигнализация бдительно сторожит сокровища коммерческого банка «Эльдорадо». Внутри банка, нависая громадным туловищем над обширным столом, дежурит охранник Петр Бурцев. Наклонив голову с копной белесых, явно выгоревших на солнце волос, он, шевеля пухлыми, как у младенца губами, читает книгу. Его округлое, добродушно-простецкое лицо, то вдруг расплывается в широкой улыбке, то недовольно морщится, вроде как он в чем-то не согласен с автором книги.

Невероятно, но факт! Петька пытается одолеть, ныне редко читаемого у нас Франца Кафку, между прочим, входящего в первую десятку или даже в тройку величайших писателей прошедшего века. Он уже разобрался, что Кафка – австрийский еврей, живший в Праге и писавший на немецком. Впрочем, не до конца разобрался – на географической карте, висевшей здесь же в дежурке, он нашел Австрию, потом Венгрию с Германией, и Прагу нашел, а вот Австро-Венгрию, чьим гражданином Кафка являлся по паспорту, – не нашел, точно эта страна в силу каких-то неведомых ему хитросплетений истории, исчезла не только с карты, но и с лица земли. И, хотя сей писатель для Петьки, и сложен и малопонятен, он продолжает упрямо шевелить губами, при этом, его огромная тень иногда вздрагивает, как будто чего-то пугаясь.

Изредка, подняв голову и морща лоб, Петька вглядывается в настенные часы: не пора ли делать обход? Если решает, что пора, – шумно встает со стула, вкусно зевает, хрустя суставами, делает два-три маха руками, как бы прогоняя сонливость и, стараясь особо не шуметь, обходит длинно-гулкие коридоры банка. Иногда, останавливается, прислушивается... Ночь полна звуков, но сейчас доносящиеся звуки не опасны: стук дождя по стеклам, по веткам, жалобный скрип фонаря, редкое шуршание по асфальту полуночных машин, едва слышный гул моря. Непогода, море штормит.

Море! Кто из жителей российской глубинки не мечтал хоть раз в жизни побывать на море? Таковые вряд ли найдутся – все к морю рвутся. Вот и Петька с детства морем грезил, он даже в военкомате просился на флот, но ему отказали, сославшись на отсутствие разнарядки, а главное – на невысокий уровень образования у призывника из глухой провинциальной глубинки; вместо моря, послали тянуть солдатскую лямку в артиллерии. Зато отслужив, он приехал на берег Тихого океана, в небольшой портовый городок, куда его пригласил сослуживец.

Сойдя с поезда и впервые увидев море, Петька пришел в восторг: о! мо-ре! Вот оно какое! Уходящая за горизонт бескрайняя синяя даль, сливаясь с небом, образует идеально ровную линию! Белая пена прибоя, недовольно шурша о зализанную морской водой гальку, пытается схватить тебя за ноги! Гортанно кричат крупные белокрылые чайки, стремительно падая за рыбой в воду! Запах морских водорослей выброшенных на берег и пахнущих йодом, не отвращает, а наоборот, заставляет вдыхать полной грудью целебный морской воздух! Всё это и есть море!

Пожив месяц, Петька более жизненно, более реалистично пригляделся к местной природе: куда ни глянь, кругом серые скалы, бесплодная каменистая земля, высокие сопки, покрытые дикой первозданной тайгой, нашествие голодных медведей, злобных тигров. Господи, и как только люди здесь живут?

А когда на следующий день на побережье обрушился свирепый тайфун с красивым женским именем «Эмилия», смешавший в кошмарный клубок и небо, и море, и сушу – Петька,

под аккомпанемент ливня и ураганного ветра, схватился за голову: мамочка родная, куда я попал, где мой чемодан? Нет-нет, желаю вернуться домой, в родную деревеньку в Среднерусской полосе, где тихо и спокойно несет свои воды мелкая речушка Каменка, где весело шумит березовый лесок, где под окном желтеет подсолнух, а раненько утречком мычат коровки, бредущие по дороге под резкое щелканье пастушьего кнута. Хорошо у нас в деревне! Не то, что в этом диком, забытом и Богом, и властями краю. Домой, и только домой!

Так Петька решил подобиру-поздорову покинуть эти здешние, негостеприимные берега. Быстренько собрал чемодан, попрощался с огорченным сослуживцем и двинул на остановку автобуса, едущего на вокзал. Вышел- и, окунувшись в густой, как сметана туман, заблудился. Изрядно поплутав, упал на ближайшую скамью, решив переждать здешнее, молочно-белое природное явление. Ближе к обеду, туман рассеялся. Мимо сидящего на лавке Петьки, по своим делам спешили горожане: старые и молодые, худые и толстые, симпатичные и не очень, короче – разные люди. Объединяло их одно: никто из них не ныл, не трусил, не обращал никакого внимания ни на оторванность от Большой земли, ни на природные катаклизмы – люди здесь, как бы это выразить одним словом- жили. Просто жили. И лишь один здоровенный бугай —один! – поддавшись минутной слабости, решил позорно покинуть-какой там покинуть, он надумал трусливо сбежать. Петьке до того стало стыдно, что он решил остаться, ну хотя бы на время.

Благодаря своему почти двухметровому росту и огромной физической силе, он легко поступил на работу в частное охранное предприятие «Беркут» и, закончив месячные курсы охранников, получил лицензию на право охранной деятельности и ношения оружия, после чего заступил на дежурство в коммерческий банк «Эльдорадо». За вполне приемлемую цену, он снял одну комнату в трехкомнатной квартире у одинокой старушки.

Работа в банке не пыльная, знай себе бдительно охраняй чужие деньги от шаловливого люда, внимательно за клиентами наблюдай, особо нервных выявляй, на заметку бери и при малейшей опасности с их стороны, безжалостно на пол роняй, браслеты надевай и вызывай полицию. Всего-то делов! А когда в банке спокойно, то от нечего делать, можно запоминать разные непонятные банковские словечки, вроде: депозитив, эмиссия, векселя и прочие сертификаты. А что, авось когда и пригодится!

Собственно, вот вам и вся видимая работа охранника, не считая бессонных суток, постоянного ожидания бандитского нападения, ну и прочих-прочих опасностей охранной службы. И график дежурств Петьку устраивал: сутки отдежурил – трое дома. И зарплаты хватало: много ли холостяку надо? Не жизнь – сплошное удовольствие!

И всё, вроде бы у Петьки хорошо, но уже через два дежурства, вольно или невольно, стал он ощущать некий дискомфорт, мешающий ему полной грудью наслаждаться жизнью в городе. Город – не деревня, факт общеизвестный, и кому, как не Петьке, хорошо знакомый. В городе жизнь другая, нежели в деревне, более сложная, насыщенная, и даже в каком-то смысле – сумасшедшая. Здесь, пока ты не обживешься, пока тебя не обкатает многотонный каток городской жизни, ты будешь находиться на обочине этой жизни до тех пор, пока горожане не соизволят принять тебя в свои монолитные ряды или, наоборот, отбросят на помойку жизни, как ненужный городу хлам. Вот и Петьке, чтобы для начала хотя бы втиснуться в городскую житейскую щелочку, надо... Чего надо – он пока не знает, однако усиленно думает об этом.

И, представьте себе, додумался! Понял он: во всем виновата его низкая культурная и общеобразовательная грамотность, без которой в нынешнее время – время сплошной компьютеризации и глобализации (видите, каких он словечек нахватался в банке), – невозможно комфортабельное проживание в городе. Вот так-то! Выведя для себя, сию сложную философскую формулу, Петька непроизвольно вспомнил отца, его кожаный ремень, и вроде бы, такие простенькие, но такие пророческие слова, сказанные им: «Петька, учись, дурак!» Грубовато, конечно, но до чего точно!

А пока ему приходилось терпеть косые взгляды горожан, персонала, клиентов банка, которые, казалось, кричали ему прямо в лицо: «Деревенщина неотесанная!», «Колхозник безграмотный!», или того хуже: «Ряшку наел, бездельник!» Думаете, не обидно? О, еще как обидно. Особенно не нравились ему кривые ухмылки молодых банковских служащих – примерно его возраста пацанов— в белых рубашечках, при галстуках, которые при виде нового охранника переглядывались, скалились, ухмылялись, хихикали в кулачки: мол, ну и громила. А сами-то они кто: антеллигенты акцизные! Вот кто. Нет Петя, надо с этим кончать, надо что-то делать! Что именно?

Что, что – учиться надо! Помнится, в школе лозунг висел: «Учиться, учиться и учиться!» Неважно, кто его придумал – важен смысл, который хотя и поздно, но таки доходит до иных нерадивых учеников —Правда, уже бывших. Совершенно правильно сказал тот, кто сказал, что учиться лучше поздно, чем никогда. И Петька направился искать вечернюю школу. Увы – не нашел, куда она подевалась, наверное, одному богу известно? Да ещё сторожу из «гороно», куда Петька появился поздно вечером. Тот объяснил явному переростку, что вечерняя школа закрыта за ненадобностью, мол, нынче время такое: хочу – учусь, хочу – коров пасу, а хочу и ворую. Свобода, милоч!

Кто-то посоветовал Петьке нанять репетиторов, дескать, вот кто дает крепкие знания. Крепкие – это хорошо! Но когда он подсчитал репетиторские денежки, то непроизвольно ойкнул: «Ой, да тут можно и без штанов остаться!» И сам нашел простой выход – пойти в библиотеку: самообразование – самый доступный и дешевый способ учёбы! По школе помнится, Горький вроде тоже самоучкой был, институтов не кончал.

– Хочу стать умным! – сходу, безапелляционно заявил Петька девчонкам-библиотекаряшам. Те, смешливо прыснув, оценили услышанное как своеобразный юмор и, так же в шутку, спросили:

– Вы хотите стать просто умным или самым умным?

Петька было задумался, но так как он по натуре своей был скромн и не жаден, то ответил, что просто умным. Девчонки, видя непреклонную серьезность новенького потенциального читателя, растерянно поморгав накрашенными ресничками, выдали ему груд у книг, от одного вида которой Петька втянул голову в плечи: Бог ты мой, неужто такую прорву книг возможно одолеть? Это каким головастым надо быть?

Девчонки, успокоив его, битый час объясняли непонятливому абоненту, что такое сюжет, фабула, диалог-монолог. Задурили парню голову, одно он только понял: надо поставить себя на место главного героя произведения, войти в его образ, опосля уж и мыслить, и поступать, как он. Всё просто: вжиться, мыслить, поступать – и тогда любая книга будет понятна и ясна, как божий день. А что читать надо не с конца книги, а с начала – это Петька и сам знал.

Пришел он домой и первым делом разобрал книги по толщине, по весу, по известности лично ему. И так: Толстой, Шолохов, Пушкин, Чехов, Тургенев, Лермонтов – все свои, пулей в школе промелькнувшие, оставшиеся в памяти лишь «Лукоморьем», «Филиппком», «Хамелеоном», да ещё «Муму», жаль бедную собачку.

А это еще что за чудик? Франц Кафка. Кто это ещё такой? Интересно... Франц, похоже – француз, был бы немец – был бы Фрицем или Гансом. Ладно, что нам Кафка – одолеем и Кафку.

На дежурство Петька взял с собой Кафку – этот писатель для него загадка, очень уж у него фамилия чудная, по ней сразу и не определить: о чем он мог, даже приблизительно, написать? Петька положил томик Кафки на видное место, на столик в кассовом зале, за который время от времени садился, давая отдых натруженным от долгого стояния ногам. Пусть все смотрят и видят, какие умные книги читает новый охранник.

К сожалению, за весь прошедший рабочий день никто из банковских служащих не подошел к столику, никто не полистал томик писателя с заковыристой фамилией, не воскликнул удивленно: «Ого! А наш-то новенький охранник не так уж и прост! Башковитый, должно быть,

парень!» Петька не особо расстроился: не подошли сегодня – завтра подойдут, какие наши годы!

Ночью в банке одиноко, зато тихо, мирно и спокойно. Кроме непосредственно охраны объекта, можно без оглядки на начальство заниматься своими делами. Например, гантелями махать, двухпудовкой баловаться, еду себе на плитке готовить, думать можно, фантазировать, мечтать о чем душе угодно.. Но сегодняшнюю ночь, твердо решив заняться самообразованием, Петька посвятил изучению творчества Кафки. Он уже разобрался с национальной принадлежностью писателя, прочел его краткую биографию и даже одолел один его рассказ под названием – «Превращение». Что для него, несомненный успех. А ведь это только начало!

Рассказ Петьку поразил, можно даже сказать, достал его до самой печенки! Жуть, а не рассказ! Ну, Франц, ну дает мужик! Это надо же до такого додуматься: хорошего парня Грегора – Гришку, по-нашему – он одним росчерком пера превратил в страшную сороконожку. Бр-р! Спрашивается, за что? Парень, как и я, в армии отслужил, на работу устроился, да не как я охранником, а этим... коммивояжером. Ну и профессия, язык сломаешь. Короче, торговал Гришка разным ширпотребом, вроде наших нынешних челноков. Хотя отличие было – челноки на себя пашут, а Гришка ишачил на одного скупердяя-предпринимателя. По всему видать, парнишка трудолюбивый был, добросовестный, от души вкалывал, раз умудрился на всю свою семью квартиру снять, и эту же самую семью из трех человек, не беря его самого в расчет, на своем горбу тащил-поил-кормил. Что интересно, один работал, батя-банк-рот почему-то постоянно дома сидел, мать кашляла целыми днями-ночами, малолетняя сестренка пиликала музыку. А Гришка за троих вкалывал, ишачил, как раб спину гнул, и вдруг, нате вам: он – сороконожка! Вот тут-то и началась черная людская неблагодарность! Паренек тотчас был отторгнут семьей! Самыми близкими ему людьми! А он, дурачок, еще и переживал, от стыда мучился, что не в состоянии семье помочь. Ну почему же сразу дурачок? Нельзя обижать такого хорошего парня. А вот его неблагодарную семейку можно, и даже нужно ругать! Чтoб им ни дна, ни покрышки! Это надо же так поступить: когда Гришка помер, когда засох подобно березовому листику, эта семейка даже обрадовалась. Только и ляпнув языком: «Оно издохло» – неблагодарные родичи шустренько выбросили его на помойку, а сами... сами имели наглость отправиться гулять по городу. Ну и как их ещё можно назвать? Пусть и люди они, но черствые, как прошлогодние сухари!

Жестокий у Кафки получился рассказ, прямо какой-то бессердечный. Однако жизненно достоверный, что правда, то правда, этого у него не отнять. В реальной жизни, еще и не такое случается. Если глубже копнуть, попробовать разобраться, то этот его рассказ от корки до корки как бы списан с сегодняшних дней. Взять хотя бы этого Гришку. Кто он такой? Обычный, простой человек из обычной средней семьи. Пока вкалывал на семью – нужен был, а как превратился в сороконожку – сразу выбросили вон, как ненужную вещь. Подобное сейчас происходит с нынешними пенсионерами. Пока они страну до космического могущества доводили, пока возводили электростанции, пока строили «БАМ», короче- пока вкалывали до седьмого пота – нужны были стране. А как только постарели, на пенсию вышли, ослабли физически, в дугу согнулись – их бесцеремонно выбросили, пусть не на помойку, но из жизни страны точно вычеркнули. Притом – с бесовестно нищенской пенсией. Стране стали не нужны бывшие герои! Так что, не перемудрил Кафка в своем рассказе, просто в то время, очевидно, нельзя было правду-матку в открытую писать, цензура душила таких как он, вот и приходилось Францу маскировать своих героев в сороконожек...

Что такое? Петька насторожился – показалось, что где-то что-то упало. Прислушался... Дождь мелкой дробью долбил по стеклам, мокро прошуршала колесами одинокая машина, желтый фонарь на противоположной стороне улицы сердито болтался. Да нет, вроде всё спокойно, показалось... Петька, хрустко потянувшись, расслабился и широко зевнул: э-эх, покема-

рить бы минут шестьсот. Перевел взгляд на небольшое фото писателя на внутренней обложке книги.

«Какой же ты худющий Франц, – подумал с жалостью, – будто через день тебя кормили... и в плечах узковат, поди, слабаком был. Признавайся. Зато какие у тебя глаза! Не глаза-глазища! Большущие, как карманное зеркальце! И глубокие, про такие говорят-бездонные. А какие они у тебя пронзительно-темные, словно гипнотизирующие или, подобно рентгену, пытающиеся заглянуть в самое нутро души человеческой. Странные глаза, похоже, болел бедняга... Нет, а чего это я к его внешности привязался, парень как парень, богом не обиженный, умом не обделенный. Ну и что, что худой, может, у него с детства комплекция такая. Худой, а книгу написал не какую-нибудь современную хреновину про «новых русских, которые тоже плачут», а серьезную книгу, правдивую, жизненную. Франц о себе память оставил надолго, если не навсегда. А что останется, к примеру, после меня? А действительно, что? Следы сорок шестого размера останутся. Надолго ли – первый же дождичек смоем их с лица земли. Запросто смоем память обо мне... К тому же, я не обзавелся ни женой, ни детьми, сирота я сирота беспризорная... Ч-черт, до чего же обидно... Петька, ты на кого обижаешься, дурень? Кроме, как на самого себя, тебе не на кого обижаться. Ты сам кругом виноват, и только самого себя вини. Именно, себя. Вспомни-ты не хотел учиться, ты ни к чему не стремился! Стоп! Хватит себя обвинять, тут ещё надо разобраться, так ли я виноват. Я не хотел учиться. Ну да, было такое. А что я мог с собой поделывать, ну не шла у меня эта чертова учеба, не шла, и всё тут! Я ни к чему не стремился. И такое было... Стоп-стоп! Куда это я разогнался в своих обвинениях? К чему-то стремиться. Нет, здесь надо ещё подумать, зачем, и к чему стремиться. Зачем и к чему? Сейчас стало модно, куда-то стремиться? Модно. Даже не знаю, что мне самому себе ответить? Однако, думаю, модно не модно, а действительно, сейчас все куда-то стремятся – время наступило стремительное, быстроное время. Одни, всеми правдами-неправдами стремятся разбогатеть, другие – весь белый свет объехать, третьи – удачно замуж выйти или жениться, четвертые – желают побольше картошечки накопать, пятые... Господи, да что мне пятые-десятые, я тоже должен к чему-то стремиться, не век же мне охранником куковать! Между прочим, я не жадный, мне много не надо. Первым делом, я прочту тысячу-другую разных книг. Ну прочту-и что с того? А то, сразу поумнею, стану образованней, солиднее, поинтеллигентнее стану. Ну-ну, так уж и поумнеешь? Впрочем, не буду сам с собой спорить. Ну, поумнею, а что дальше? Пока не знаю, может, куда учиться пойду, надо подумать. Вон объявления по всему городу висят: «Колледж обучает на автомехаников, парикмахеров, поваров...», Неплохо было бы, на повара выучиться. Впрочем, нет, на повара мне ну никак нельзя, любую кухню разорю своим неуёмным аппетитом. На парикмахера идти, вроде как не с руки, с моей-то комплекцией, да и не мужская это профессия. А вот выучиться на автомеханика, было бы здорово! Автомеханик Бурцев! Жаль, не получится из меня автомеханик, там надо физику, химию и прочую механику знать. А что я имею по части образования? Э-э, об этом даже говорить не стоит... Нет, я не понял, мне что, в «Эльдорадо» плохо, пусть работа в банке – не рай земной, но жить вполне можно. Да и сам я, вроде как неплох: не курю, не пью... то есть, иногда пью... но умеренно... норму знаю. И что, это все мои достоинства? Н-да, маловато, если честно...»

Петька тяжело, как после тяжелой физической работы вздохнул, и откинулся на спинку стула.

«Да, брат Кафка, задал ты моей неразумной башке работу, давненько я так мозги не напрягал. Представляешь, Франц, оказывается, во мне хорошего не так уж и много, где-то середина на половину... или половина на середину? Короче, серая посредственность – вот кто я! Так что, думаю, мне необходимо срочно меняться, срочно! Ты за меня не беспокойся, я свои недостатки знаю. Вот послушай план моих перемен. Перво-наперво, мне надо обуздать свой язычок, чтобы он поменьше матерно выражался. Не бойся, это для меня дешевле пареной репы: заклеил рот прозрачным пластырем – и ходи, сопи в две дырочки, через пару недель

все матерные слова забудешь. Что еще? Ага! Необходимо следить за своей речью, как советовали девчонки из библиотеки надо выбросить из головы слова-паразиты. Придумали же такое: слова, да ещё и паразиты! Что ж это за слова такие? А-а, вспомнил! Разные там „кабы“, „абы“, „чаво“, „ишо“. Действительно, эти паразиты прицепились ко мне ишо с деревни... тьфу-ты! ещё с деревни. Ну да бог с ними, с паразитами этими. Что дальше? Дальше придется отказаться от дурацкой привычки грызть на улице семечки, хотя я и люблю семечки... Что ещё? Не плевать где попало, не харкать при людях... бумажки бросать только в урну... всегда иметь при себе носовой платок... не ковыряться в носу пальцем... Это ещё почему? А чем же прикажешь ковыряться? Чем, чем – хвостом бычьим, вот чем! Н-да, а не поздновато ли затевать эту сугубо личную, прямо сказать, бесчеловечную реформу в отношении самого себя? С пеленок надо было исправляться, вот тогда толк, может быть, и был бы, а так... Действительно Петя, поздно пить „боржоми“, когда печень разрушена... Ну прочитаю я уйму книг, ну грамотней стану, может быть, даже —поумнею, внешне- интеллигентный приму вид, городским сверху донизу буду выглядеть... Господи, о чём это я? Да от меня за версту деревней прет, как от ухоженной коровы – молоком, от неухоженной-навозом. Мужик- я и есть мужик, а раз родился мужиком – мужиком и останусь, меня вряд ли переделаешь, из деревенского материала собран я. Крепко, навечно, навсегда! Вот так-то, друг мой Кафка! Тебе, наверное, полегче жилось, время-то тогда другое было...»

Скрип! Петька вскинулся настороженно: вроде где-то что-то... Похоже, дверь скрипит. Одна рука мгновенно цапнула ребристую рукоять пистолета, другая тревожно замерла на кнопке экстренного вызова: нажал – и полицейская группа захвата в два счета примчится на помощь охраннику. Ага, нажмешь – а вдруг тревога ложная, станешь среди охранной братии посмешищем на долгие-долгие годы. Мол, наш Бурцев-то, вроде такой кабан здоровенный, а скрипа дверного испугался: охранничек! Чего-чего, а позубоскалить у нас любят, хлебом не корми. Нет, лучше самому пойти проверить, так надежнее..

Петька на цыпочках выскользнул из дежурной комнаты, пересек кассовый зал и, прислонившись к косяку двери, зашарил глазами по темной тропинке длинного банковского коридора с многочисленными квадратами дверей... «Темно-то как, ничего не видать, „банковские“ стараются на лампочках экономить, надо будет об этом шефу доложить, -решил Петька и боковым зрением увидел... – Тень! Лопни мои глаза, тень! Кто-то проник в банк! Но почему не сработала сигнализация? Мои действия по инструкции? Ну же, вспоминай! Нажать кнопку... вызвать группу захвата... принять меры к задержанию. Балбес ты, Петька! Кнопка вызова осталась в дежурке! Пока туда... Тих-ха!»

Послышался отчетливый лязг ключей... Ключи подбирают... пытаются открыть дверь. Петька большим пальцем осторожно снял пистолет с предохранителя, тренированным движением тихонечко передернул затвор, вогнал патрон в ствол, внимательно наблюдая за коридором. По коридору кто-то двигался, колышущаяся тень все больше и больше принимала очертания человека, идущего в тумане.

Петька задержал дыхание, кровь бросилась в голову, по спине поползла первая холодная капля пота. «Спокойно, Петя, ради бога, спокойно, без паники, ничего страшного, обычное ограбление... Хорошо бы узнать, сколько нападающих, чем они вооружены. Нет, не определить сколько их – темно, пусть поближе подойдут. Вооружены, скорее всего, пистолетами и ножами – с чем еще бандиты на дело идут? А если „калашами“, тогда дело дрянь, очередями на кусочки порвут... Ну-ну Петя, без паники, не надо на себя страх нагонять... Вот уже четко видно одного, как говорят, двигается вихляющей морской походкой, или нет, скорее-медвежьей, неуклюжей... Господи, как бухает сердце, неужели я трус? Нет, я не боюсь, просто отчего-то хочется рвануть в дежурку и жать, жать на кнопку вызова. Всё, прекрати, хватит истерики, берём себя в руки! „Тень“ подходит, она уже близко, из стороны в сторону, как пьяная колышется. Хорошо, если бандит один, одного легче брать; брать надо молча, без крика

— крикнешь: „Руки вверх!“ – а это бывший профессионал- спецназовец на звук стреляющий: бац! – и дырка твоей башке обеспечена, шмальнет из бесшумного и... Тьфу-тьфу! Никаких „и“. Просто пистолет прячем в карман. Тут важна внезапность и точный удар кулаком – кулак надежней, осечки не даст... О, слышу запашок! Для храбрости хлебнул, придурок! Идешь на дело – будь трезвее трезвого. Ну же, иди ко мне гад, иди...»

Н-на! Петька резко выбросил вперед правый кулак – бандит-грабитель гнилым пнем рухнул на ворс дорожки. Готов... Спокойно, не расслабляться, надо проверить, нет ли еще кого... этот пусть полежит, отдохнет... Осторожно, каждую секунду ожидая нападения, Петька прошелся по коридору: тишина, кажется, звенящая, других посторонних не обнаружено. «Должно быть, налетчик-одиночка, – заключил Петька, возвращаясь к лежащему налетчику... – Э-э, а чего это он ножками не тарыхтит, не дышит громко, неужто... – нагнувшись, он схватил лежащего за руку. – Фу-ты, кажись, живой, пульс имеется! Где мои наручники? Сейчас, сейчас дружище мы тебя спеленаем, как дите малое, обыщем для твоей же безопасности, чтобы ты не попытался какую глупость сотворить...

Странно, однако никакого оружия при нём не наблюдается, документов тоже, а вот денег по карманам многовато, видно, где-то успел хапнуть... связка разнообразных ключей на килограмм весом... вот и всё! Теперь понятно кто это – вор-домушник... или нет, их по-другому называют – «медвежатник», вот кто он! Специалист по взлому сейфа! Интересно, а почему тогда при нём отсутствует воровской инструмент, типа ломика-фомки и прочих воровских приспособлений? Петя, какой ещё ломик? На дворе двадцать первый век, век сплошной компьютеризации и электроники! Ты глянь, вон у него сколько ключей с непонятными брелками: нажал на брелок – любой сейф с превеликой радостью сам распахнется... Впрочем, хорош языком трещать, надо полицию вызывать...» – Петька уже было направился в сторону дежурной комнаты, как увидел, что налетчик зашевелился и даже, вроде как, пытается что-то сказать.

– О! Очухался, бандюга! Что, как корова, мычишь? – Петька нагнулся над лежащим. Да, не рассчитал он силу удара, здорово приложился, лицо, что яйцо всмятку. – Ты чего замолчал, говори. Что, что? Больно, челюсть сломана, говорить не можешь? Так помолчи, ты сюда не за пирогами шел, я из-за тебя, скотины, такого страха натерпелся! Что? Ни хрена не пойму... наручники снять? Ага, иди дурака поищи, безрогая корова и шишаком так боднёт – мало не покажется. Ну всё, хорош мычать, а то пасть заткну... Что-о, врача? Где я тебе его сейчас возьму, ночь за окном. Не барин, потерпишь... Да ладно, ладно, не дергайся, сейчас за аптечкой сбегая, помогу чем смогу.

Петька вернулся в дежурку, нажал кнопку вызова и, пока шарил в поисках аптечки по ящикам стола, в двери банка забарабанили прикладами полицейские из группы захвата. Вихрем ворвавшись в банк, они шумно загрохотали по коридорам подкованными ботинками. Убедившись, что в банке кроме огромного охранника и поверженного неизвестного никого нет, полицейские собрались у тела последнего. Налетчик, ошалело крутя глазами, приподнял голову и что-то промычал – в мычании проскальзывали угрожающие нотки, за что тотчас, получил под ребро ботинком одного из полицейских. Затем, то ли согласно служебной инструкции, то ли давней традиции, к ребрам задержанного крепенько приложились остальные члены группы захвата, что вполне естественно, вызвало искреннее возмущение охранника.

– Братцы, вы что делаете? – с упреком обратился он к стражам порядка. – Нельзя же так обращаться с моей добычей!

Полицейские беззлобно засмеялись, похлопали грабителя по карманам и, приподняв окровавленную голову задержанного, осветили лицо фонариком... Вглядевшись, удивленно присвистнули: мол, ничего себе, вот это добыча! Петька мигом сообразил, что он, должно быть, задержал отпетого бандита-рецидивиста, объявленного в международный розыск.

Хитро переглянувшись, ухмыляясь, полицейские похлопали охранника по плечу со словами: «А ты, парень, молодец!» – затем подхватив налетчика под руки, выволокли обмякшее тело из банка. Взревел мотор и, пугая ночную тьму горластой сиреной, группа захвата укатила.

Петька закрыл двери, поставил банк на сигнализацию, прошелся по коридорам: каждую дверь подергал, каждое окно, форточки – всё закрыто наглухо! На окнах решетки в его палец толщиной – остается один вопрос: как грабитель в банк проник, он что, дух бестелесный? Какой дух, Петя – среди этой уголовной братии такие народные умельцы попадаются, такие шустряки – карман на груди вместе с кошельком вырежут, и глазом не уследишь. Так что пусть полиция над этим голову ломает, это ее хлеб.

Вернулся Петька в дежурку, за стол уселся – сна ни в одном глазу. Да и какой тут сон после всего пережитого? Закинул он ноги на батарею, в руки томик Кафки взял... Не читалось – распирала гордость.

Люди! Ведь это же он, Пётр Бурцев матерого бандюгу завалил! Он! Один! Честь и хвала герою! И солидная премия от банка ему полагается, и полиция должна чего-нибудь подбросить, вроде «командирских» часиков, а ещё лучше- электронных «касио», тех, которые японские. Премия – это же так здорово! Тут главное – уметь толком ею распорядиться. Перво-наперво он купит все книги Кафки, полным собранием сочинений называется. Без Кафки нельзя, тут во многом его заслуга: возьми я, к примеру, кого другого из писателей, ничего такого могло бы и не случиться. Так что, ты Франц-везунчик, спасибо тебе! Надеюсь, мы с тобой сработаемся... Господи, кажись от радости, я уже и забыл чего хотел? Ага, вспомнил! Под купленные книги, естественно, потребуются книжные полки, придется в мебельный заглянуть. Еще хочется приобрести плоский «Самсунг» с полутораметровым экраном, чтобы с размахом повышать свой культурный и ...этот-интернацио... нет-интеллектуальный уровень. Вот! Неплохо бы иметь в кармане сверхзащищенный смартфончик «Андроид», с разными полезными функциями и приспособлениями. Кстати, раз уж деньжата заведутся, не мешало бы и о женитьбе подумать, пора свое семейное гнездышко вить. Шикарный костюмчик с галстучком приобрету, пару золотых колец. О! Чуть про главное не забыл-про хату! Куда я молодую жену приведу? То-то! Необходима своя квартира. Надо про ипотеку поподробнее разузнать.

За окном, не стихая, льет дождь. По-прежнему мокнет листва, желтый фонарь болтается на ветру: фонарь, дождь, тоска зеленая!

Но только не для Петьки. Он вслух мечтает. «А что, мечтать не вредно, у нас любой человек может мечтать, пока ещё это не запрещено. Деньги, это, конечно, очень хорошо, говорят, они дают свободу человеку. Может, это и так, но кроме денег ещё чего-то хочется, так сказать, для души. Например, чтобы завтра на первой странице местной „Океанской Звезды“ про мой героический поступок, вернее – подвиг! – крупными буквами напечатали: „Отважный охранник- Бурцев Петр Иванович, вступил в смертельную схватку с опаснейшим, вооруженным бандитом-рецидивистом – и победил! Заслуженная награда ждет своего героя!“ Здорово звучит – герой! Герой-то герой, а вот почему налетчик был один и без оружия? Если он „медвежатник“, спец по сейфам, тогда где его инструмент? Зачем, наверняка зная, что в банке вооруженная охрана, рискнул в одиночку напасть на него? Зачем, почему? Вопрос на вопросе и вопросом погоняет... Но откуда я знаю, зачем да почему? Он проник, залез, как-то оказался в банк – мне-то какая разница? Я свое дело сделал, и хорошо сделал! А что, разве это не так? Тогда давайте просчитаем мои действия. Первое- я банковские деньги сохранил? Да, сохранил! Второе-человека, пусть и преступника, не убил, не застрелил? Нет! Так что мне тогда за голову хвататься, как ни крути, я... молодец я! И хватит, прочь ненужные сомнения! Господи, скорее бы уже утро!»

Утром, когда Петька с чувством выполненного долга сдавал смену, в банк позвонили из полиции и затребовали ночного охранника к начальнику. И побыстрее! Петька доволен: начинаются приятные хлопоты! Во дворе городского отдела полиции, окружив шоколадный

красавец – джип «Тойота Лэнд Крузер», толпились сотрудники полиции. Похлопывая иномарку по загорело-пухлым бокам, завистливо цокали языками: клас-сная телка! Весь город знал, что сию «телку» главному полицейскому города «подарили» местные предприниматели, мол, у нас такая традиция: новому начальнику – новую машину! Правда, сами дарители не могли понять, почему так часто в их город назначают новых руководителей полиции, не имеющих авто. Это надо же, уже через каждые три месяца меняются! Впрочем, машины по-прежнему дарили импортные, дорогие, накрученные! Вот и про этого шикарного джип-слоненка говорили, будто в нем имеется и телевизор, и холодильник, и даже биотуалет. Последнему Петька не верил: брехня! Туалет в машине – придумают же такое! Вот и сейчас, он недоверчиво хмыкнул. Полицейские как по команде оглянулись, с интересом – большим, чем только что рассматривали джип – уставились на весьма рослого охранника, все равно что на голливудскую звезду, случайно заглянувшую в этот захолустный городишко. Петьке показалось, что с завистью. Ну, это понятно: завидуют парни, не каждому такая удача выпадает.

Кабинет начальника поразил Петьку разве что футбольным размером и огромным полированным столом. А так обычный чиновничий кабинет: два десятка мягких стульев, два пузатых стальных сейфа, компьютер на столе, два портрета на стене: справа – нынешний серьезный президент, слева – незнакомый худой мужик с козлиной бородкой, в солдатской шинели, в фуражке со звездой. На стульях у окна – двое хорошо одетых гражданских, у одного из них на коленях – черный кейс. Вроде бы, этих гражданских Петька видел в банке «Эльдорадо». Наверняка, в кейсе Петькина премия! Нормально!

– Ты чего скалишься, как последний идиот? – неожиданно из-за компьютера вскинулся толстошей мужик с двойным подбородком и удивительно круглыми совиными, глазками. На плечах полковничьи погоны, на груди – непонятные значки и крест, словно из кино про фашистов. Петька сделал вид, что не обратил внимания на хамский тон полковника – мало ли кто мог с утра, довести человека до белого каления. Он поздоровался спокойно: мол, здравия желаю, товарищ полковник! Но тотчас его улыбка погасла перегоревшей лампочкой – лицо главного полицейского осталось злым, жестким, неодобрительным.

– Ты что себе позволяешь?! – угрожающе вдавив голову в плечи, проскрипел полковник. – Ты почему невинных людей избиваешь?! Челюсти ломаешь, мозги вышибаешь! Силушку девать некуда, да?!

– Товарищ полковник...

– Молча-ать!! – тотчас заткнул охранника начальник. – Твои «товарищи» в двадцатом веке остались!

– Господин полковник! Разрешите объяснить. Сегодня ночью, во время моего дежурства, на банк «Эльдорадо» было совершено нападение. Попытка нападения. Я, согласно инструкции, принял меры по предотвращению преступления и задержанию преступника. Он как-то проник вовнутрь, я обнаружил, ну и присёк, в смысле ударил, он упал, будто корова под ножом...

– Какая корова, придурок! – побагровел начальник. – Инструкцию свою засунь знаешь, куда... – он очень уж матерно выругался. – Я тебя еще раз спрашиваю: за что ты избил человека? Или, может быть, ты скажешь, что это не ты, что его избил полиция? Не-ет, твоя это работа! Мои люди его пальцем не тронули, я читал их рапорты.

– Никого я не избивал, – упрямо гнул свое Петька, – я действовал согласно служебной инструкции. Там записано, что не является преступлением действие... при посягательстве на жизнь, на государственное, на личное имущество... необходимая оборона... противодействие нападению... – вспоминал он главы учебника по охранной деятельности. – Бандит влез, я ударил, один раз ударил, всего один, больше не бил. Не я бы его – так он бы меня. Всё правильно, всё по закону...

– Ты, законник, мать твою!! – опять грязно выругавшись, начальник в бешенстве вскочил. «Господи, какой он маленький, пузатенький! Везет же мне на маленьких полковников».

– Ты у него документы проверял? Ну, отвечай!

– Нет, не проверял, – вынужден был сознаться Петька, беспомощно разводя руками.

– Тогда какой он тебе бандит?! – опершись руками о стол, полковник смотрел на охранника, как на явный смертный грех. – Ты хоть знаешь, кого ты ударил? Ты ударил коммерческого директора! Члена совета директоров! Наконец, моего... кха-кха-кха! – закашлялся, дергаясь всем телом. Вода в графине заколыхалась, все равно что море от слабенького шторма. Откашлявшись, начальник схватил графин и, не обращая внимания на посторонних в кабинете, принялся жадно глотать воду из горлышка.

«Во даёт мужик! Погоны с большими звездами носит, а культуры никакой, – нашел причину осудить начальника Петька. – Из горла хлещет, как обычный алкаш...»

– Фу, отошло... – утерев рот тыльной стороной ладони, полковник обратил внимание на огромные кулаки охранника, внушающие и страх и уважение одновременно. – Что, кулаки чесались? Так пошел бы, об угол банка почесал, бык деревенский! Ишь моду взял бить всех, кто под руку попадется! Смотри, кого бьешь! – опять стал заводиться полковник. – Ты должностное лицо ударил! Этот человек, как пчелка пахал в поте лица, себя не жалел, на работе горел, о семье забыл, о жене, о ребенке, устал как собака, устал до потери пульса, сознания! Может человек на работе устать? – повернулся он к гражданским.

Те вскочили.

– Да, да, может, еще как может! – синхронно, в один голос ответили гражданские, поедая глазами начальника.

– Вот и я говорю: может! А этот дуб, – полковник кивнул на охранника, – своей кувалдой раскроил черепушку уставшему человеку, отправил его в больницу, и надолго.

– Но я же по инструкции, – опять попытался защититься Петька. – Я по крайней необходимости.

– Ты у меня по своей крайней необходимости отправишься лет на восемь валить лес в местах не столь отдаленных! – мокрым брезентом проскрипел начальник... – Я тебя наизнанку выверну... мозги вправлю... в бараний рог согну...

«Всё, накрылась моя премия медным тазом, – уныло вздохнул Петька. – И полное собрание сочинений, и сам я накрылся, тюрьма мне светит. Не пойму только, за что? Кого я избил? Какого директор – того мужика я в глаза не видел в банке».

– В общем, с тобой всё понятно. Таких, как ты, надо безжалостно сажать, сажать и сажать! Только тюрьма тебя исправит. А сейчас иди в прокуратуру, пиши объяснительную прокурору, пусть он возбуждает уголовное дело, а ты суши сухари! Пош-шел вон! – начальник указал на дверь.

На выходе из горотдела ошарашенного «теплым» приемом Петьку окликнул веселый лицом дежурный капитан.

– Здорово, герой! Ты чего кислый? Влип? Наслышан, наслышан... И ты что, из-за этого расстроился? Глупо... Или начальник запугал? Ерунда всё это, ничего он тебе не сделает, ты действовал правильно, ни один прокурор не подкопается, как говорится, законность не нарушена, можешь спать спокойно.

– Капитан, хоть ты мне объясни, кого я там ударил, кого задержал? – потерянно попросил Петька.

– Тю! Так ты ничего не понял? Поздравляю, весь город только и говорит о происшествии в «Эльдорадо», а наш главный герой ничегошеньки не знает. Ну ты и чудило! – засмеялся капитан. – Ты ж родного зятя нашего «полкана» прямиком в хирургию отправил. Молодец, правильно сделал! Семейка еще та! Когда начальника сюда перевели, он всю свою родню с Урала переташил, кого куда рассовал по «хлебным» местам, а этого щенка в «Эльдорадо» пристроил коммерческим директором. Он только числился при банке, а бабки, говорят, сумасшедшие гребёт, как дворник совковой лопатой – снег. Со своей женой, с дочкой начальника,

этот дармоед постоянно грызется, сцены ревности ей устраивает. Вот и в этот раз поцапались они вдрызг, он заперся в банке, два дня водку жрал, а в твое дежурство то ли очухался, то ли спиртное закончилась – вот и пошел по банковским коридорам шараться, где и напоролся на твой неучтивый кулачок. Так было дело?

Петька неопределенно пожал плечами, мол, не знаю, может, оно и так.

– Да так, так! – смеясь, капитан хлопнул охранника по крутому плечу. – Так, не сомневайся. Этот пакостник неоднократно подобным образом выступает, было дело одного охранника до того напугал, что бедолага сразу уволился. Но в этот раз он промахнулся, не на того напал, ошибся в объекте. Наши парни тоже на него зуб имеют, но им всё как-то случай не подвернется... Между прочим, ты бы мог его запросто шлепнуть из служебного пистолета. Я бы, не задумываясь выстрелил, от испуга бы выстрелил, честно признаюсь. Так что он твой должник! Ты в прокуратуру? Смело иди, не бойся, напишешь, как было – и айда отсыпаться после смены! Так что не переживай, всё будет хорошо. Бывай, герой!

Петька пошел в прокуратуру. Дождь прошел, лишь слегка моросило, уныло шумели деревья над головой, чуть слышно рокотало невидимое отсюда море. Пусто, грустно, тоскливо на душе. Далеко впереди, в пелене легкой мороси замаячила фигура в длинном, до пят, плащ-накидке, в старомодной шляпе-котелке. От сутуловатости неизвестного веяло одиночеством, беззащитностью, немощью.

– Так это же, кажись, Кафка! – Петька, кажется, узнал в далеком пешеходе писателя-австрийца. – Эй, Франц, стой! Подожди меня! Да стой же ты...

Но то ли действительно писатель, то ли случайный прохожий, словно чего-то испугавшись, предпочел исчезнуть в морозящей пелене. Петьке даже показалось, что он махнул на прощание шляпой, мол, до свидания, Петя, мы с тобой еще встретимся.

Петька и адмирал

Ох, рано встает охрана!

– Ты где шлялся, бык деревенский?! Опять свой курдюк набивал в служебное время?! И когда ты только нажрешься?! – зло выговаривал начальник частной охранной фирмы «Беркут» своему подчиненному, охраннику Петру Бурцеву – высоченному, глыбообразному парню, про которых в народе говорят: «Любого в карман спрячет». Петьке его ругань хоть бы хны, он привычно молчит, пытаясь языком достать застрявшую в зубах рыбку косточку. Зачем рыпаться, когда тебя стригут, можно и порезаться. С поста у входа в офис он ушел всего-то минут на пять... ну, пусть на пятнадцать минут, в ближайшую кафешку по причине сильнейшего голода, как всегда неожиданно охватившего его ненасытное нутро. А что, причина вполне уважительная, да и не обезглавил он пост, его временно подменил другой охранник.

– Выгоню к чертям собачьим! Сколько можно терпеть твои выходки? Тебя, бездельника, не могли полчаса найти! – продолжал бушевать начальник.

А Петька и бровью не ведет – забывшись, спокойненько вытер ладонью губы, затем легонько похлопал себя по животу, как бы уплотняя попавшую туда пищу.

– Не смей дергаться, идиот! – взбешенно взвился начальник. – Встань как положено! Разгильдяй, пока ты свое бездонное брюхо набивал, катер угнали!

Петька сытно икнул:

– Ик-к! Какой еще катер?

– Какой, какой?! У Евгения Викторовича, с «Афродиты»! – сердито уточнил начальник.

Ого! Вот так новость! Петька видел этот катер, правда, издалека. Красавец катер! На хищную рыбину похож из-за своего острого носа и скошенной назад рубки. Говорили, будто бы он с двумя винтами, с каютами, с кухней, с туалетом на борту и с множеством, множеством лошадиных сил. Что изготовлен в Японии, штучный заказ. Зверь, а не катер!

И хозяина катера Петька знает – Евгений Викторович, по его мнению, порядочная сволочь. Недавно в подпитии, не стеснясь охранников, он хвастал друзьям, как ловко продал недотёпам клиентам вагон подмоченного сахара, при этом, трижды попугаисто повторяя: «Ох, как я их нагрел, как нагрел, как нагрел!» – и потирал, потирал потные, нечестные ручонки. Теперь вот этого хвастливого делягу, видать, самого нагрели – и правильно сделали, так ему и надо!

– Евгений Викторович обещает хорошие бабки тому, кто вернет ему катер. И я не собираюсь их упускать. Бурцев, ты понимаешь, к чему я клоню?

Петька понято кивнул, мол, кому не нужны хорошие деньги – ищите, шеф, флаг вам в руки.

– Хорошо, если понимаешь. Однако, я думаю, ты не до конца понимаешь... – неожиданно начальник, как пистолетом, ткнул в Петькину сторону указательным пальцем. – И ты найдешь мне этот катер! Ты, именно ты! Понял?

– Я? Да вы что, шеф? – как всегда, попытался отказаться Петька, опять же всем своим нутром понимая – бесполезно. – Ну какой из меня сыщик, я – охранник. У нас есть детективы, это их хлеб. Опять же, полиция...

– Хватит болтать! – оборвал нытье подчиненного начальник. – Все детективы заняты, а времени у нас в обрез. Полиция уже землю носом роет, но она неповоротлива, уж я-то это знаю. А ты сегодня у нас провинился, пост кто покинул? То-то, не забывай об этом. Так что помалкивай и слушай мой приказ. В течение суток ты должен, нет – ты просто обязан найти катер! Бери машину и обыщи каждый – каждый! – закуток бухты, катер где-то здесь. Я звонил

«погранцам», они ответили, что катер из бухты не выходил. Так что поторопись... и без катера не появляйся мне на глаза. Понял? Ну, раз понял, иди ищи! Иди, иди!

Вышел Петька от начальника, озабоченно затылок почесал: где искать этот чертов катер? Легко сказать – ищи. А где он – бухта одна из самых больших в мире, а катер – не машина, следов на воде не оставляет. Однако ной не ной, а искать катер надо – не найду, начальник дырку в моей голове проест своим нытьем. Ладно, садимся в машину – и по газам!

Поехал Петька на лодочный пирс. Полупьяный сторож трусливо поскрипывая пружинами провалившегося дивана, чистосердечно признался нависшему над ним громадному охраннику, что в эту ночь он разгонял сон водочкой и ничегошеньки на пирсе не видел... кроме пацанов. Ага, пацаны! Это уже кое-что существенное! Вот неутомное племя! Где они сейчас могут быть? Ясное дело, где: лето, каникулы – где-нибудь на берегу. Как в воду глядел: покрутился Петька по зеленым берегам бухты, двадцать литров бензина сжег, но пацанов тех нашел – рыбачили, костры жгли, купались. Попались, голубчики! Прижал он их остороженько, они – в слезы. Петька с укором, мол, слезы не к лицу настоящим мужикам, пообещал, что не выдаст их полиции, и даже вручил каждому по пять рублей на мелкие мальчишеские расходы. Шкодливая ребятня вмиг повеселела, утерла слезы и как на блюде выложила: да, это они угнали катер, хотели прокатиться, но двигатель не смогли завести, а тут еще поднялся сильный ветер, катер понесло и выбросило во-он в той бухточке, за мысом Марии.

Заглянул Петька в ту бухточку: увы! пусто, как у него в кармане перед получкой. Нигде никаких следов катера. Прямо чудеса! Место указали – катера там нет, как сквозь землю провалился. Ищи, Петя, и думай, думай! Итак, стоя на берегу, что мы видим? Слева – военно-морская база со своими секретами, туда даже соваться не стоит; справа – лесной причал со штабелями леса, с горбатыми кранами, с трудягами лесовозами. С этого причала и днем, и ночью рыбачки-любители ловят корюшку с камбалой – и на пропитание, и на продажу. Может, они что-то да и видели? Надо же, глазастые рыбачки не только видели, но и прямо указали на военных моряков: дескать, это они рано утром взяли катер на abordаж, что по-морскому означает: штурм, захват, принуждение к сдаче. Толково объяснили, вот что значит у моря жить.

Вот так новость! Вояки пригнали катер. Что ж, делать нечего, придется к ним наведаться и потребовать вернуть чужую, украденную собственность. Решено, только так и никак иначе. Доволен Петька: катер, считай, у него в кармане. За него он получит прощение и благодарность от начальника, сам шеф – солидную премию, ну а хозяин катера, хоть и дрянь-человек, возрадуется возвращенному имуществу. Все довольны, все при своем интересе!

И Петька порулил на военно-морскую базу.

– Привет «военморам»! – остановившись у КПП, поздоровался дружелюбно. – Ребята, я слышал, вы катер подобрали, как бы мне на него взглянуть.

Военные моряки – видать, ребята не промах – услышав про катер, натурально глаза вытаращили: дружище, ты, мол, не по адресу попал, никакого катера мы не видели даже во сне, так что гуляй, паренек. И, попытались наглухо прикрыть металлические ворота с якорями. Но Петька, хоть и добрейшая душа, в данном случае проявил твердость – застопорил ворота своей ножицей сорок седьмого размера и потребовал вызвать на КПП дежурного по базе. Морячки, видя, что приезжий амбал не отступит, пожали плечами: мол, всегда пожалуйста. Вскоре к воротам подошел, как он представился, капитан третьего ранга Дроздов с повязкой дежурного, с пистолетом в кобуре. И этот в кошки-мышки решил поиграть, знакомую песню запел: ничего не знаю, ничего не видел, ничего я тебе не скажу. Господи, до чего же упертые люди – «военморы»!

Но и у Петьки – голова на плечах, не тыква, ни намерен он разводить тары-бары-пустые разговоры, у него пусть и словесные, однако, факты, против которых, как известно, не особото и попрешь. Кроме фактов, он упомянул гарнизонного прокурора, с которым недавно был

на охоте, а городского мэра как бы вскользь, назвал своим дядей... троюродным. Прости его боже, чего только не сделаешь ради установления истины!

Дежурный по базе поюлил-поюлил, дабы не потерять авторитет, затем кому-то позвонил, и лишь после этого пригласил нежданного гостя – который, как известно, хуже татарина – в штаб военно-морской базы.

Завели Петьку в огромный кабинет и оставили одного. Он с интересом огляделся... Вдоль стены множество макетов надводных кораблей, подводных лодок, старинных парусников. На самой стене – огромная картина в красивой раме: краснофлотцы в окровавленных тельняшках, стоя по колено в воде, стреляют из пушки куда-то за горизонт. «Семидесятишестимиллиметровка» – как бывший артиллерист, сходу определил Петька калибр орудия.

Услышав скрип двери, он оглянулся... и оробел. Энергичным пружинистым шагом в кабинет вошел генерал... или как там по-морскому: адмирал, вот! За время своей службы в армии, Петька никого выше полковника вот так близко не видел, а тут сразу лоб в лоб – бац: адмирал! Как тут не оробеть? Стоит он сам не свой, руки по швам бросил, не сводит глаз с адмирала: а что если тот начнет метать громы и молнии из-за того, что какой-то, неизвестно откуда взявшийся, недотёпа-охранник оторвал его от важных государственных дел. Адмирал и вправду суровым взглядом окинул непрошеного гостя... затем неожиданно, как знакомому соседу по даче, доброжелательно улыбнулся ему. Скорее от адмиральской улыбки, чем от его суровости, Петька старательно вытянулся по стойке «смирно», да ка-ак рывкнет:

– Здравия желаю, товарищ адмирал!

Адмирал, слегка подпрыгнув от дикого вопля, засиял лицом и даже хлопнул себя по бедру правой рукой, что, вероятно, означало проявление им высшего предела восторга.

– Ор-рел! Гвардеец! Настоящий богатырь! Ч-черт побери, давненько я таких молодцов не встречал! Откуда такой?

– Тамбовские мы, – скромно ответил Петька, краснея до кончиков волос.

– Я так и думал... Ну, давай знакомиться, богатырь. Я – командир военно-морской базы, контр-адмирал Алексеев Александр Петрович. А кто ты таков будешь?

– Кто я? Я охранник с «Беркута»... с фирмы «Беркут»... Бурцев я... Петька... Петр Иванович, – смущаясь, сообщил Петька и зачем-то добавил: – Я в артиллерии служил... когда в армии был.

– Петр Иванович, я рад, очень рад с вами познакомиться! А теперь, артиллерист, рассказывай, зачем в наши края пожаловал? Только откровенно, без утайки, – адмирал продолжал улыбаться, но глаза смотрели строго, требовательно, будто обещали большие неприятности всякому, кто рискнет пойти против адмиральской воли.

– Собственно, я... – замялся Петька, переступая с ноги на ногу. – Катер у нас угнали... в смысле, украли... мне бы только взглянуть.

– Ах вон оно что, катер! – тотчас поскущнел адмирал. – Ну да, катер... слышал, слышал. Петя, слушай дорогой, давай мы с тобой о катере потом поговорим, успеется, – он пренебрежительно махнул рукой. – Ты мне кто: гость или не гость? – Петька с готовностью кивнул, мол, гость он, гость. – А раз гость, то зачем мы будем впустую винтами воду молотить, как говорит наш мудрый народ: болтовней пьян не будешь! Степа! Степа-ан!!

В кабинет прытко заскочил прапорщик, по-морскому, вроде как – мичман. Хитроглазое лицо мичмана выражало сиюминутную готовность выполнить любой приказ своего командира, вплоть до броска в окно.

– Слышь, Степан, ты там нашу представительскую заначку не всю выпил? – адмирал ногтем щелкнул по графину с водой. Мичман обиженно поджал губы, дескать, зря обижаете, товарищ контр-адмирал. Командир базы засмеялся:

– Да успокойся, пошутил я. Ты вот что, Степа, организуй-ка коньячку нашего, ну и чего-нибудь перекусить, не мне тебя учить. Мы тут с Петром Ивановичем, с моим новым другом, кой-какие конфиденциальные вопросы обмозгуем.

Мичман, надо отдать ему должное, четко знал свое дело – скоренько на столе появился двухлитровый графин с темно-розовой, похоже, коньячной жидкостью и тарелки с горками бутербродов. У Петьки слюнки потекли, облизнулся, как трижды голодный кот: что-что, а покушать он любит. Адмирал же, по-хозяйски оглядев накрытый стол, довольно хмыкнул и попросил Степана заменить хрустальные рюмки на граненые стаканы: мол, так привычнее, так он еще курсантом пил. Затем он, на правах хозяина, плеснул в стаканы розовую жидкость и произнес что-то вроде тоста:

– Давай, друг мой Петя, разгоним кровь, выпьем за наше с тобой такое неожиданное, но, признаюсь тебе, приятное для меня знакомство! Бери стакан...

Петька с удовольствием взял со стола стакан... однако вспомнив, что он на службе, да еще и за рулем – поставил стакан обратно на стол.

– Товарищ адмирал, я тоже рад нашему с вами знакомству, но вы извините меня – я на службе, нельзя мне пить... можно, я лучше перекушу?

Контр-адмирал побагровел, должно быть войдя в состояние крайнего раздражения, открыл недовольно рот, явно желая скомандовать что-то вроде «смирно», но явно переборов себя, лишь кривя губы, улыбнулся.

– Петя, ну ты, брат, даешь! С самим командиром базы отказался пить! Подумать только! Оказывается, контр-адмирал ему не указ, он, видите ли, на службе! Черт побери, а где же тогда я? Где, по-твоему? В Таиланде, на песочке загораю? Нет, брат, я тоже на службе! Заметь, на государственной службе! Так что давай не будем пороть горячку и портить нервы друг другу, давай-ка лучше выпьем! Ну, бери стакан! – он почти насильно сунул стакан в Петькину руку. – И запомни Петя, народную мудрость: у моря жить и не пить – пагубно для здоровья. Так что пей до дна, приобщайся к морскому братству! Хочешь, могу еще один афоризм подарить, сам придумал, слушай и запоминай. Непьющий адмирал – не адмирал, непьющий охранник – не охранник! Запомнил? Ну, тогда поехали!

Адмирал, лихо опрокинув в себя содержимое стакана, потянулся за бутербродом с красной икрой:

– Ух, хорошо-то как!

«Ого! Как простую воду выдул! – удивился Петька легкости, с которой адмирал освободил свой стакан. – Чем он меня угощает? По запаху не определить, по цвету... похоже на портвейн сладенький, лучше бы водки налил». И он, подражая командиру базы, залпом... О-о-о!!! Глотку будто крутым кипятком ошпарило, внутренности обожгло, в желудке рванула противопехотная мина... Хлеб где... где хлеб? Петька зашарил по столу руками...

– Что Петя, дерет горло наш военно-морской коньячок? – смеясь, адмирал протянул гостю кусочек хлеба. – На, занюхай, занюхай...

– У-у-ух!! Ну и дерет, зар-раза! – Петька выдохнул из себя воздух. – Что вы мне подсунули? Атомную бомбу?

– Успокойся Петя, не взорвешься, это всего лишь популярный среди моряков – именно военных моряков – коньячный напиток под названием... А вот это, друг ты мой, воинский секрет! Только и скажу, что производство торговой фирмы с аббревиатурой «ПЛО». Не слышал про такую?

Как охраннику, Петьке все торговые фирмы и в городе, и в районе были известны, но о фирме со столь странным, возможно, матерным названием, ему не приходилось слышать.

– И не услышишь, – хитро подмигнул ему адмирал. – Это строго засекреченная фирма, но тебе, как моему другу, я расшифрую, что означает сия абракадабра. «ПЛО» – — противо-

лодочная. Это может быть и оборона, и противолодочный корабль, и торпеда, ракета, мина. Короче, всё что может взорваться. Понятно, тебе?

– Противолодочная? Всего лишь? А я черт знает что подумал, – засмеялся Петька – голова после выпитого кружилась, как космическая станция «Мир» вокруг земного шарика, пока не была сброшена с орбиты в океан. – Нет, я не понял, а почему именно такое название-противолодочная? В городе есть фирмы с морскими названиями, например, «Посейдон», есть «Нептун», «Русалка» есть.

– Эх, Петька, простота ты тамбовская! Да пошутил я насчет фирмы, пошутил! Извини. Нет никакой противолодочной фирмы, и никакой это вовсе не коньяк – это обычный спирт, разбавленный брусничным соком. Раньше этого спирта в любой военно-морской части было полным-полно. В настоящее время – дефицитный товар. Выражаясь современным языком, это наш флотский бренд под названием «Шило». Звучит не очень, но это уж кому как нравится. Главное, чтобы по мозгам било. К примеру, в одной торпедой – двести килограммов спиртосодержащей смеси, в одной! Спросишь: для чего спирт необходим торпедой? Отвечаю: чтобы она резвее гонялась за нашими врагами. Шутка. Но ты однако заметь, какая крепость, какой вкус, а цвет – словно солнце на закате... Петя, тебе что, плохо? – адмирал, видя, что его гость слегка побледнел от выпитого с непривычки спирта, сунул ему в рот бутерброд с икрой. – Ты ешь, ешь давай, говорят, красная икра – эликсир жизни. А насчет спирта – извини, надо было предупредить тебя. Но это ерунда, с непривычки, закуси хорошенько – и всё пройдет. Мы с тобой еще не один стакан одолеем. Одно жаль – спирта у нас маловато осталось, когда еще новый привезут. Но для тебя, друг мой Петя, нам последней бочки не жалко! Так что пей – и цени каждую каплю этого волшебного нектара!

Петька был поражен щедростью военных моряков: для него, простого охранника, им последней бочки спирта не жалко! Вот они какие, настоящие военные моряки!

– Ну что Петя, вот мы и познакомимся, выпили по капельке, закусили чем бог послал, теперь можно и о катере поговорить... – сказал адмирал, тщательно вытирая пальцы бумажной салфеткой. – Впрочем, куда нам торопиться, о катере давай попозже переговорим, успеется. Давай мы лучше поближе познакомимся. Слушай, Петя, а ты кто будешь по своему социальному происхождению?

Петьку вопрос застал врасплох, про социальное происхождение он что-то слышал, но что это такое – точно не знал. Адмирал же, видя затруднение нового друга, терпеливо пояснил:

– Ты из каких будешь? Из рабочих или крестьян, про интеллигенцию не спрашиваю?

– Я-то? – густо покраснел Петька, стеснявшийся своих крестьянских корней. – Ну, из крестьян.

– Я так и думал, – кивнул головой командир базы, пододвигая поближе к гостю тарелку с бутербродами. Обиженно отодвинув тарелку, Петька буркнул: «Не всем городскими родиться...»

– Петя, да не дуйся ты, как салажонок на строгого старшину, – адмирал шутливо стукнул охранника по плечу. – Ты своим деревенским началом гордиться должен! Понимаешь, гордиться!

Петька непонимающе вскинул глаза: как можно гордиться своей прямо-таки прущей из него деревенщиной?

– Гордиться, Петя, именно гордиться! Да будет тебе известно, вся Россия из деревни вышла, вся! Деревня – это был стержень, на котором наша страна держалась. Ты, конечно, не знаешь, а ведь все наши знаменитые адмиралы-генералы-маршалы в деревне родились: и Ушаков с Нахимовым, и Суворов с Кутузовым, и Жуков с Коневым – все деревенские. Абсолютно все! Вот так-то, брат! Я вот, иногда, смотрю телевизор и диву дивлюсь, как наша новорусская шелуха – вроде голь перекатная, без роду-племени – нынче пытается примазаться к дворянскому роду, за большие деньги покупая княжеские, графские и прочие старинные

титуты. Спрашивается, зачем? Признали бы прилюдно перед экраном: да, мой прапрапрадедушка был крестьянином Тамбовской или Рязанской губерний. Так нет! – стучат себя в хило-силиконовые груди – нам дворянство подавай, хотим быть голубых кровей, вашеблагородиями желаем быть. В архивах с лупой роются, ищут свой дворянский след. А ведь запросто могло быть, что тот тамбовский или рязанский предок-мужик, бил шведа под Полтавой, мог брать Измаил, карабкаться по горным кручам Швейцарии, драться с французом на Бородинском поле, оборонять Севастополь от англичан, опять же французов, сардинцев и прочих турок. Вот скажи мне, Петя, разве это не повод для гордости? Эх, да что там! Я сам тридцать лет назад смоленскую деревню покинул, а вот веришь, так иногда накатит, особенно весной, так позовет к себе земля – бросаю все дела и еду на дачу. Да-да, и такое бывает...

Командующий базой замолчал, нежно поглаживая выпуклую рубку макета подводной лодки, стоящего на столе.

– «Тайфун», она же «Акула», атомный ракетный крейсер стратегического назначения, когда-то наше самое грозное оружие, гордость наша, – наконец промолвил адмирал с заметной грустью. Затем, оглядев Петьку оценивающим взглядом – все равно что портной, снимающий мерку с клиента, сказал: – Смотрю я на тебя, Петя – ты, будто слепая курица по жизни идешь, очевидно повертелся-покрутился среди жулья торгового, среди этих демократов-пустократов, нахватался от них либерального дерьма, вот и потерял заложенный в тебя предками рабоче-крестьянский нюх...

От удивления Петька застыл с бутербродом в руке у рта: какой еще нюх он потерял? где? когда?

– Чего рот раскрыл? – сердито спросил адмирал. – Я грубо выразился? Что думаю, то и говорю, на правду только дураки обижаются. Да ты жуй, жуй! Жуй – и меня слушай. Была бы моя воля и власть над тобой, я бы тебе быстренько мозги вправил в нужную сторону. А знаешь, как? – Петька точно не знал как, но так как он отслужил в армии, то приблизительно догадывался как. – Я бы тебя, дурака здоровенного, засунул годика этак на три в такую вот подводную лодку и погонял бы как ту сидорову козу. Ты бы у меня для начала хлебнул плафон водички солененькой, затем ежедневно побегал по трапам, по люкам заведенной машиной, сходил в «автономку» на сотню-другую дней, полежал бы в страхе на дне морском – живо бы шелковым стал и перестал бы стесняться своего крестьянского происхождения. В стране, в ее вооруженных силах, ч-черт знает что творится, а ты тут кренделя выписываешь, носишься как угорелый со своим катером, как пьяный боцман с кранцем!

– А что я... я не для себя, – прошамкал набитым ртом Петька. – Катер не мой... мне приказали...

– Приказали ему... – насупился адмирал. – А ты и рад стараться дурацкие приказы выполнять. Эх Петя, Петя, святая ты простота! В корень надо зреть, в корень! Пойдем, я тебе кое-что покажу... – Он взял Петьку под локоть и подвел к стене, скрытой от глаз широченной, во всю стену, желтой шторой. Рванул штору в сторону... перед глазами появилась огромная карта Тихого океана. Зелено-коричневые материки, острова, леса, горы, пустыни, но больше всего – голубизны океана. И на этой голубизне – россыпи красных флажков и пугающие надписи: «Не заходить! Пуски ракет!», «Район учебных стрельб! Не заходить!», «Район бомбометания!», «Полигон подводных лодок!», «Взрывные работы!», «Опасно – кабель!»

Петьке стало как-то неуютно от такого количества опасно-предупреждающих надписей. «Зачем адмирал мне эту карту показывает? Тут и дураку понятно, что она совершенно секретная! Мне еще не хватало чужих секретов!» – и он отвернулся от карты.

– Петя, вот ответ мне: сколько на земле океанов? – неожиданно спросил адмирал учительским тоном.

Петька, не зная точного ответа, наугад ляпнул:

– Семь!

Адмирал отчего-то вздрогнул, но тактично поправил:

– — Запомни, Петя: четыре! И самый большой из них – наш Тихий океан. А теперь обрати внимание на красные флажки. Это места, где находились наши боевые корабли... я имею в виду советские корабли, в советское еще время. Я специально не стал их убирать, чтобы и себе было приятно, и молодым офицерам можно было показать нашу былую мощь... Эй, друг, ты чего это от карты отворачиваешься? Нет, брат, ты смотри, во все глаза смотри, нам было чем гордиться! Смотри – везде, куда ни глянь, находились наши корабли, нашего военно-морского флота! – казалось, адмирал от распирающей его гордости за военно-морской флот стал даже выше ростом.

– А что они там делали? – простодушно, без какой-либо задней мысли спросил Петя, рыская взглядом по россыпям красных флажков, разбросанных по глади океана.

– Фу ты, пропасть! – командир базы вмиг в лице переменялся и так на Петю глянул, будто это он украл у военно-морского флота не катер – целый эскадренный миноносец. – Ну, Петя, ох и огорчил же ты меня своим дурацким вопросом! «Что они там делали, что делали?» – передразнил он охранника. – Ты спрашиваешь словами нынешних «дерьмократов», которым дай только волю – вмиг и армию, и флот по домам распустят, как их единомышленники в семнадцатом году. Петя, наконец вбей себе в голову, заруби на носу: наши корабли здесь, на Тихом океане, и прикрывали, и обороняли, и защищали Родину! Наш военно-морской флот всегда был на переднем рубеже обороны и покрыл себя неувядаемой славой при защите границ России! – с пафосом произнес он. Петя слушал его с открытым ртом: адмирал так здорово и красиво говорит. – Ну что Петя, ты меня понял?

– Так точно, я всё понял! – усердно рявкнул Петя, глядя на адмирала преданно и в то же время как бы виновато. Тот сердито нахмурил брови.

– Ничего ты Петя, не понял, по глазам вижу. Да, нам было, чем гордиться, ни одна падла заморская не осмеливалась тронуть наши гражданские суда, нас пусть и не любили, но уважали, как уважают сильных, нас боялись, как боятся опять же сильных! Заметь, главное: и уважали, и боялись! А что сейчас творится, знаешь?

Петя не особо вникал, не интересовался происходящим где-то там далеко, газет он не читал, а в телевизоре смотрел разве что юмористическую «Давай поженимся» с Гузеевой, да «Смехопанораму» с Петросяном – и потому уныло пожал плечами: мол, я не в курсе.

Адмирал осуждающе сверкнул глазами, но промолчал, затем вернувшись к столу, взял в руки какую-то бумагу и опять подошел к карте.

– Вот полюбуйся, на днях радиogramму получили... «Теплоход „Федерация“ в Малаккском проливе подвергся нападению пиратов! Судно разграблено, экипаж избит, похищена буфетчица Леночка. Срочно просим помощь. Всем-всем, кто нас слышит. Капитан т/х „Федерация“ Степашкин», – с горечью в голосе прочитал радиogramму адмирал. – Такие вот, брат, сегодняшние реалии... Сволочи, совсем страх потеряли! Раньше мы этих ублюдков молча на дно морское отправляли, и никто, заметь – никто! – особо не заикался о международном праве: ну потопили и потопили – туда им и дорога... Эх, Петя, Петя, если бы ты знал, как мне, адмиралу флота российского, до слез обидно такие вот радиogramмы получать!

Уж в этом-то Петя прекрасно понимал адмирала: еще как обидно, когда тебя бьют по морде, а ты не можешь дать сдачи.

– Товарищ адмирал, а не послать бы нам в горячие точки наши боевые корабли, пусть они этих пиратов расчихвостят и в хвост, и в гриву! – эмоционально предложил он.

– Посылаем изредка корабль-другой, но время изменилось, холодная война вроде закончилась – я думаю, на некоторое время закончилась, появилось много законников, правоведов разных. Пираты этим и пользуются, много их на морях развелось, покажут они себя еще, ой как покажут. Изобретательные, сволочи! Например, задерживаем мы пиратский корабль, они – оружие плюх в воду, руки вверх, мол, мы – мирные рыбаки. И доказывай, что они кровожад-

ные пираты. Миндальничаем много, а их надо топить пачками, пачками! Чтобы они боялись с суши к берегу моря подойти! Только так... И еще одна причина не в нашу пользу... только тебе признаюсь. Не густо у нас с кораблями, раз-два и обчелся. Нам сейчас не до океанских просторов, нам бы как свое побережье защитить, вот о чем надо думать. А ты тут носишься со своим... Слушай, Петр, а может, мы твой катер на борьбу с пиратами пошлем, а? Вооружим и пошлем! – то ли в шутку, то ли всерьез предложил командир базы. – Отдашь, не пожалеешь?

– Легко! – не задумываясь, согласился Петька. – Берите! Для такого дела не жалко, ей-богу не жалко.

– Ты это серьезно? – недоверчиво спросил адмирал. —Если серьезно, то спасибо Петя, я ещё подумаю над этим, подумаю... – отойдя от карты к окну, он забарабанил пальцами по подоконнику – должно быть, задумался. Петька же, глядя на коренастую фигуру, обтянутую черным адмиральским мундиром, тоже задумался: должно быть, он обидел командира базы своим дурацким вопросом- и потому, сейчас самое подходящее время покинуть этот пропахший морем гостеприимный кабинет. А катер... Да черт с ним, с этим катером, нашли крайнего, пусть его полиция ищет!

– Ты что там бормочешь? Никак удрать хочешь? – догадался адмирал. – Э-э, нет, дружище, мы с тобой еще не закончили наш разговор. Да и графин еще полон. Так что не торопись наперед батьки, лучше подойди ко мне.

Петька подошел к окну. Адмирал взял его одной рукой за локоть, другой – обвел голубую гладь залива.

– Смотри, Петя, красота-то какая! Этот залив открыли не кто-нибудь, а русские моряки! Все промахнулись: и капитан Кук, и Лаперуз, и американцы с японцами, а наш лейтенант открыл. Говорят, лучший в мире залив – в Сан-Франциско, но я там не был, потому и не верю, наш – лучший в мире! На этих берегах издавна базировался российский флот. Когда я молодым лейтенантом прибыл сюда, здесь находилась мощная группировка надводных кораблей и подводных лодок, здесь твердо стоял океанский флот России, ее гордость и слава! Увы! Сейчас берега пустынные, а когда-то... Смотри! Вон там, справа, стояли крейсера! Ты знаешь, Петя, что такое крейсер? Крейсер это: мощь! сила! быстрота! натиск! Дух захватывало от одного вида несущегося по волнам красавца! А чуть дальше, впритирку, стояли эскадренные миноносцы, тоже красавцы, настоящие хищники! За ними – большие противолодочные, еще дальше – сторожевики, тральщики, ракетные катера. Отдельно – пирсы с атомными подводными лодками: целая дивизия контролировала всю Юго-Восточную Азию. А вон там... туда смотри! – и указывающий перст, и голос адмирала слегка задрожали. – Там была пришвартована наша гордость – тяжелые авианесущие крейсера, проще говоря – авианосцы «Минск» и «Новороссийск». Ты когда-нибудь видел авианосец?

– Видел, – утвердительно кивнул Петька, – по телевизору, американские.

– То-то и оно, что американские, – сердито проворчал адмирал. – Свои-то мы профукали бесславно...

– А-а! Я слышал об этом! – воскликнул Петька. – Их, кажись, за границу на металлолом продали. У нас парни видели, как на них что-то взрывали, а потом их буксиры выводили, меня тогда еще здесь не было.

– Может, и на металлолом, кто его знает, – пожал плечами командир базы. – А ты допускаешь такую возможность: восстановит их заграница, заново вооружит, да и по нам же и жахнет! Как тебе такой вариант?

– Коже понятно: жахнут! Нашим салом – нам же по мусалам! Эта заграница такая подлая, всё втихушку, втихушку нам стараются подножку подставить, – во всем поддержал адмирала Петька.

– Ну, Петька, ну ты и молодец! Быстро соображаешь, способный малый! В точку попал! На глазах умнееешь... Так вот... Ага! Недавно где-то вычитал, что один из наших авианесущих

крейсеров, кажись, «Минск», иностранцы собираются приспособить под плавучий отель-бординг. Бординг, понимаешь?! Это же черт знает что такое! Из российского, пусть и бывшего, но боевого корабля! – голубые глаза адмирала, казалось, заискрились. – Бординг, на котором всякая нерусская шушера будет отплясывать на взлетной палубе разные там буги-вуги, а на боевых постах трахать продажных шлюх! Да лучше бы я эти авианосцы своими руками взорвал, сам бы их потопил в этой бухте! Ведь как история повторяется: в этой же бухте, во-он там, – он указал пальцем, – фрегат «Паллада» упокоился, на котором писатель Гончаров, автор «Обломова», по миру путешествовал. И авианосцы бы рядышком на дне улеглись. Но ведь фрегат наши моряки сами утопили, чтобы он врагу не достался, считай, что в бою он погиб! А авианосцы... сами флаг спустили, в мирное время... И-эх!

Адмирал резко стукнул кулаком по раме – стекла жалобно задрожали. Петька непроизвольно вздрогнул: страшен адмирал в гневе, не позавидуешь его провинившимся подчиненным.

– Вот скажи мне, ну кому эти корабли мешали? Они ведь даже половину положенного срока не выслужили, половину! Им бы еще ходить да ходить по морям-океанам, пугать врагов наших, а их: бац! – продали по цене металлолома... Сволочи! Обрадовалась кремлевская верхушка, взасос с американцами целоваться принялась, радовалась, мол, нет теперь у нас врагов, а посему флот – на металлолом, не надо пугать друзей. Ты посмотри на плоды их лобзаний – пустая бухта! Почти пустая... А возьми, к примеру, тех же американцев. Они свои линкоры после Второй мировой под нож не пустили, они их хорошенько смазали и законсервировали, то есть припрятали в надежном месте на длительное хранение, так, на всякий пожарный, мало ли чего. А в восьмидесятых годах, после известных событий в Ливане, да и уже в Ираке, эти самые линкоры, еще и вооруженные крылатыми «Томагавками» – чтоб они у них сгорели все до одной! – так шарахнули, что всему арабскому миру тошно стало. А ведь эти линкоры были построены в сороковых годах... в сороковых! Наши – на тридцать-сорок лет позже. Вот и сравни...

Петька с открытым ртом слушал возбужденного адмирала – про американские линкоры он слышал впервые.

– А что нам мешало свои авианосцы, крейсера, эсминцы законсервировать? Что?! Или, вернее, кто?! Смазали бы их от души и поставили бы на хранение в какой-нибудь тихой бухточке, вон их сколько у нас. А пошла бы экономика страны на подъем, появились бы у нас деньги на современное оружие, на новейшие самолеты – тогда и возвращай из консервации корабли, вооружай их – и марш в океан на боевое дежурство! И не пришлось бы стране и флоту сейчас тратиться на новые корабли или – не дай бог! – покупать их за границей. Так нет же, уперлись, как баран рогами в новые ворота: продать! стране нужна валюта! валюта на квартиры офицерам! Тьфу! Чистейшая демагогия! А где сейчас та валюта, на какие такие военно-морские нужды пошла? Спросишь – никто тебе ничего не ответит, никто ничего, мол, не знает. Прямо секрет государственной важности! А тайны-то никакой нет, как на ладони всё: поделили, растащили, разворовали валюту... якорь им всем в задницу! Однако те, кто принимал решение о продаже кораблей, живы и благодествуют в обеих думских палатах или выращивают розы на своих шикарных дачах. Плохо, когда страной управляет один человек, к тому же горький пьяница – бардака много, коррупция со всех щелей и прет, и прет, как головы Змея Горыныча...

Глядя в окно, адмирал старчески сгорбился. За окном драчливо галдели чайки, по ровной глади бухты куда-то полз небольшой буксир, сверху похожий на закопченного жука.

– Хочешь мира – готовься к войне. Слышал такое выражение? – внезапно спросил адмирал. Нет, такого выражения Петька не слышал. – Так запоминай, оно означает, что всякая уважающая себя страна просто обязана иметь сильную армию. Запомни – сильную! Вот на тебя, к примеру, может какой-нибудь дурак без причины полезть? – Петька немного подумал и отве-

тил, что вряд ли. – То-то и оно, что вряд ли. Так и на сильную страну никто не осмелится напасть. Я к чему это говорю. А к тому, что сейчас у нас армию и флот «лжеполитики» опустили, как говорится, ниже плинтуса... да-да, куда уж ниже. Президент водку хлещет не просыхая, думские партии между собой передрались как собаки, народ, как всегда, безмолвствует – и слава богу, что нет войны или какого-нибудь даже захудалого локального конфликта. А если, не дай бог, вдруг... Нет-нет, даже подумать страшно, про всю армию не скажу, а вот если у меня, случись что – в строю всего-то два старых, еще советских тральщика. Того и гляди, скоро посреди этой бухты по ночам начнут всплывать чужие подводные лодки. Веришь – нет, у нас даже металлические противолодочные сети, преграждающие вход в бухту, сняли на металлолом, вот до чего дошло! Правда, это до меня произошло, то есть до моего назначения командиром базы, так что ты не подумай что, – Петька приподнял обе ладони, дескать, я понимаю и не осуждаю.

– Есть еще у меня атомные подводные лодки, правда, списанные с боевой службы, короче говоря – утиль. Но утиль смертельно опасный и для всех живущих здесь, и для соседей. Не дай бог рванут – почище Чернобыля произойдет, двадцать Чернобылей, сто Хиросим! Да кто его знает, что произойдет на самом деле?! У меня эти лодки вот здесь сидят! – потыкал себя пальцем адмирал где-то в районе печени. Приглядевшись, Петька увидел стоящие у пирсов атомные лодки, издали похожие на черные полицейские дубинки с ручками.

– Лодки выводить из залива надо, утилизировать, но ни у кого там – наверху! – не болит голова, ни у кого!

Петька слушал раскричавшегося адмирала и хорошо понимал, о чем речь: жители и города, и всего района уже давно требовали вывести списанные атомные подлодки с акватории залива. Их внимательно выслушивали, им обещали вывести лодки на утилизацию, но, словно насмехаясь над общественным мнением, лодки продолжали опасно ржаветь у пирсов, точно ожидая условленного часа – возможно, последнего для людей часа. А горожане, помитинговав, покричав словесно, и поныне продолжают жить рядышком с невидимой, временно затаившейся смертью. А что, как говорится, привыкнешь – и в аду жить можно.

– Ну зачем я до такого подлого времени дослужился? – изливал накопившуюся горечь адмирал. – Почему не ушел на пенсию? Ну почему, кто мне ответит? Э-э, да что там говорить! – он чисто по-русски махнул рукой. – Пойдем Петя, лучше выпьем с горя...

Подойдя к столу, адмирал удивительно метко, точно на два пальца, плеснул в стаканы и с какой-то веселой бесшабашностью, с вызовом произнес тост:

– Нет, Петя, хренушки им всем! Пусть с горя пьют враги наши, мы же с тобой лучше выпьем за светлое будущее нашего флота, за его возрождение выпьем! Не вечно же будем к берегу жаться, будет и на нашей улице праздник!

Петька поспешил от себя добавить: мол, выпьем за то, чтобы новый российский флот покончил с пиратами и никогда больше не позволял им похищать наших буфетчиц.

Выпили. После выпитого Петьке стало так хорошо, что захотелось сказать адмиралу что-то такое, такое! ну шибко-шибко ему приятное...

– Ну что, Петя, – опередил его командир базы. – Уяснил, наконец, ситуацию? – Петька, широко улыбаясь, ответил, что еще как уяснил. – Вот и прекрасно, а то я было подумал, что ты самодовольный эгоист, тут флот гибнет, а тебе, видишь ли, катер подавай. Мелко мыслишь, не по-государственному, учись наперед смотреть широко, масштабно, в корень. Что твой катер в масштабе страны – мелочь, пылинка. А вот флот наш... Посуди сам: когда-то он был океанским, сейчас стал что-то вроде прибрежного, а там, глядишь, и вовсе речным станет...

– Как Амурская флотилия, – подсказал Петька, ну очень уж сильно обиженный на эту флотилию. Отслуживший на ней парень-односельчанин по кличке Сомали увел у него девочку красивой бескозыркой. Ох и трепач был! Бывало, ходит по деревне и хвастается: «Заходим мы как-то в Сомали...» А потом выяснилось, что Сомали – государство в Африке, а этот

«ракушка» дальше Хабаровска и Благовещенска нигде не был. И смех, и грех! Отсюда у него и кличка: «Сомали». Смех смехом, а вот поди ж ты, увел у Петьки девку играючи, одной бескозыркой. Эх, попался бы он ему сейчас!

– Петь, ты чего это кулаки сжал? – спросил адмирал, с уважением поглядывая на «кувалды» охранника. – Что-то неприятное вспомнил? Бывает... А про флотилию ты в точку попал, нам океанский флот нужен – да простят меня амурчане, – а не занюханная флотилия... Петя, а ты, случаем, не пошутил насчет катера? – осторожно спросил он. – Ты по-прежнему готов его отдать нам?

– О чем базар, товарищ адмирал! Конечно, берите! Берите, берите! – вот так, без малейшей тени сомнения, точно от души угощая хорошего человека последней сигаретой, Петька единолично решил судьбу чужого катера. – У этих торгашей денег – тьма-тьмуца! Для них новый катер купить что для меня – кулек семечек, не обеднеют!

– Ну, братишка, ну, спасибо тебе от всего личного состава флота! Другого я от тебя и не ожидал, – с облегчением выдохнул командир базы и быстренько – должно быть, для скорейшего закрепления договора – налил «коньячку» в стаканы. – Давай выпьем... выпьем за то, чтобы наш российский андреевский флаг, по-прежнему развевался на всех морях и океанах...

– А губители флота утонули бы, как эти... как топоры! – дополнил пафосный адмиральский тост своим допотопным, но кратким, Петька.

Адмирал засмеялся и стал пододвигать тарелки с бутербродами поближе к охраннику, всё повторяя: «Ты ешь, Петя, ешь, не стесняйся!» Петька давно уже забыл про стеснение, и уговаривать насчет еды его уже не требовалось – в его руке постоянно находились бутерброды то с икрой, то с колбасой, то с сыром.

После того как выпили, адмирал на время ушел в себя, то есть задумался. Затем, резко вскинул голову.

– Слушай. Петя, тут у меня одна дельная мыслишка появилась, – он задумчиво потер рукой подбородок. Петька и сам знал, что после изрядно выпитого, мысли так и лезут, и лезут одна на другую, как взбесившиеся после порции дуста тараканы. – А что если мы строительство... пожалуй, нет, скорее – возрождение нашего нового океанского флота начнем... с чего, как думаешь?

– Ну, не знаю... Наверное... – Петька посмотрел в сторону окна, явно что-то припоминая. – Наверное, с постройки нового большущего авианосца...

– А ты молодец! – похвалил адмирал. – Хорошо бы... Но увы! Для этого нужны миллиарды и миллиарды рублей, а где их взять? Казна наша пуста. Тю-тю денег! Я вот что предлагаю... я предлагаю начать возрождение флота... с твоего катера. Да-да, с катера!

Подавившись икринкой, Петька судорожно закашлялся. Адмирал подскочил и, как барабанщик по барабану, гулко застучал по широченной спине охранника, не теряя, однако, направленности мысли.

– Петя, ты случайно подавился, или это у тебя от несогласия с моим предложением? Да не кашляй ты так, это не авантюра, я всё продумал, у меня всё аргументировано, – адмирал и кулаками, и словами лечил Петьку. – С твоего, именно с твоего катера и начнем возрождение. Не бойся, в океан мы его не пустим – у него ограниченный район плавания, но у своих берегов мы кой-кого прищучим. А ты как думаешь?

– Еще как прищучим! – мигом выздоровев, Петька с готовностью поддержал командира базы. – А то ишь моду взяли, наших буфетчиц похищать. Да за это их надо ловить и прилюдно морду бить, и не просто бить, а об асфальт, об асфальт! – не на шутку разошелся он, в настоящий момент готовый кого угодно и прищучить, и прищемить, а то и вовсе прибить, дай только адмирал приказ.

– Петька, друг ты мой, как же я тебя уважаю! – от избытка нахлынувших чувств адмирал попытался было обнять охранника, но руки у него были коротки, а охранник слишком широк. –

Какой же ты мужик! Настоящий, свойский! И добрый, таких сейчас редко встретишь. Знаешь что, давай за тебя выпьем! За твоё здоровье!

Опять выпили. Быстро закусив, командир базы схватил ручку и принялся что-то рисовать на чистом листе. Проглотив подобно баклану бутерброд с колбасой, Петька вытянул шею: адмирал пытался ручкой переделать его катер в боевой корабль.

– Вот, смотри... – водил он ручкой по листу. – Вот здесь, на баке, мы установим крупнокалиберный пулемет «НСВ», скорострельность – восемьсот выстрелов в минуту. Каково? А еще лучше – два, огневая мощь возрастает вдвое: сплошная лавина свинца...

Так, а на корме... на корме установим противокорабельную ракету, корма пошире бака... Что рот раскрыл? Да, да, именно ракету! – и адмирал принялся устанавливать на корме катера ракету, больше похожую на огурец с хвостиком.

– Товарищ адмирал, а ракета того... не потопит катер? – засомневался Петька, вспоминая тяжелые армейские ракеты, перевозимые мощными тягачами.

– Не бойся, не потопят, я всё просчитал, – успокоил адмирал, как школьник, старательно обводя нарисованную ракету жирной чертой. – Есть у нас одна новинка – сверхзвуковая крылатая ракета, такая если шарахнет по авианосцу или тяжелому крейсеру, то они вмиг забудут адресок к нашим берегам. Я о ней тебе попозже расскажу, поподробнее...

– Классная, наверное, ракета! – заочно похвалил Петька пока еще неизвестную ему ракету и, тут же мысленно представив «свой» катер, напичканный мощнейшим военно-морским оружием, не смог сдержать восторг: – Товарищ адмирал, вы этот... гений! Вот кто вы!

– Да ну тебя, Петя, скажешь тоже, – засмутился явно польщенный командир базы. – Не торопись меня хвалить, помнишь, как в той поговорке: мол, хвали сено в стогу, а адмирала в... ик-к! Ик-к! – икнул он раз-другой, дергаясь всем телом. – Ик-к! Извини... Ик-к! Вот прицепилась, зараза! Ик-к! Как жирной колбаски поешь... Ик-к! Да что за напасть! Ик-к!..

– А вы лед глотните, мелкими-мелкими кусочками, – вспомнил Петька древний бабушкин рецепт. – Или, на крайний случай, холодной водички глотните. Вот, нате, глотайте! – подал он графин с водой.

– Да ну тебя, знахарь, – отмахнулся адмирал, но из графина глотнул, забыв про адмиральскую должность, из горлышка глотнул – Петька сделал вид, что не заметил, мол, другу простительно. – Фу-у! Ты смотри, кажись, полегчало, ты прав...

Петьке уже не хотелось покидать этот пропахший морем уютный кабинет с его гостеприимным хозяином. Он, словно школьник, поднял руку, спрашивая разрешения задать вопрос – адмирал милостиво кивнул, мол, ваяй.

– Товарищ адмирал, мне страсть как интересно про ракету, вы же обещали.

– Раз обещал – расскажу, не бойся, не забуду. Но учти, – адмирал огляделся по сторонам, явно кого-то выискивая, – это секрет государственной важности...

Услышав про государственный секрет, Петька тотчас увял, сконфуженно закрывая рукой рот, мол, нет-нет, ему не нужны чужие секреты, он желает спать спокойно.

– ... Но тебе, как своему другу, как единомышленнику, я кое-что об этой ракете расскажу, – продолжил адмирал, однако видя, что его собеседник явно напуган, добродушно рассмеялся, затем спросил: – Что, напугал я тебя? Ну прости... Эх, Петя, Петя, простота ты деревенская, спи спокойно, эти государственные секреты больше устанавливаются для простых россиян, чем для зарубежных спецслужб. Запомни это раз и навсегда. Американцы и прочие китайцы с японцами, наверное, про эту ракету давно уже всё пронюхали, у нас сейчас за «зелень» любой секрет купить можно, времечко такое гнилое наступило, честно говоря. Настоящих шпионов надо искать там – наверху! – он ткнул пальцем в потолок. – Предателей развелось – что у меня крапивы на даче. Иуды! Готовы Родину за тридцать сребренников продать, сволочи! Таких надо стрелять без суда и следствия!

– Всех? – невольно вырвалось у Петьки.

– Всех, подчистую! – как топором по плахе, рубанул ладонью адмирал. – Родиной торговать – последнее дело!

– Я тоже так считаю, – поспешно согласился Петька. – Что с ними чикаться, стрелять – и никаких гвоздей.

– Молодец! Только так! – довольно крикнул адмирал и, задумчиво наморщив лоб, спросил: – О чем мы хотели... А-а, вспомнил, о ракете! Так вот, это тактическая, противокорабельная, сверхзвуковая крылатая ракета... дальность пятьсот километров... летает при любых метеоусловиях, в любое время года, днем и ночью... Знать о ней более подробно тебе ни к чему, хватит и этого. Впрочем, можно кое-что еще рассказать. Эта крылатая ракета морского базирования устанавливается на надводных кораблях и подводных лодках. Сокращенно: «Ка-эр». Название не скажу, извини. Какой-то умник после первых, не особо удачных пусков обозвал ее «Контрой». Отсюда и пошло: «Контра», «Контра»! Почти как легендарная «Катюша». Ну да ладно... Я, если честно, в технике слабоват, да она и не особо нужна адмиралу, для адмирала главное – мозги и голос. Впрочем, я отвлекся. Ракета самонаводящаяся... как бы тебе объяснить. Есть детский мультик, где кошка сама по себе ходила, сама мышей искала, сама их ловила, жрала сама. Так и наша «Контра»: сама цель ищет, находит – сама по ней бьет. Но до чего же она умная, зар-раза! Ажно завидно! В общем, классная ракета, но увы! – не без недостатков. Петя, а у кого их нет?

С чем, с чем, а с этим утверждением Петька был полностью согласен – у него самого куча недостатков.

– А сколько эта стерва нашей кровушки попила – наверное, с танкер нефтеналивной! Вредина, каких поискать! Не поверишь – по своим лупила, как по врагам заклятым...

– К-как по своим?! – непонимающе вытаращился Петька.

– А так и лупила. Скомандуем: пуск! На нужную кнопку нажмем – и пошла, пошла, родимая! В определенном квадрате океана, на морском полигоне, как ухажер – подружку, ждет не дождется ее мишень – старый списанный корабль. Мы свое дело сделали, заложили в ракетные мозги координаты цели, запустили ракету, а дальше она сама должна соображать: на какой высоте ей сподручней лететь, как маневрировать в полете, где искать цель, а найдя – как ловчее, точнее, беспроигрышнее по ней ударить. Смотри на карту... – адмирал ткнул пальцем в сторону карты. – Океан, Петя, это не просто крупнейшая часть водной акватории Мирового океана, это – можно сказать и так – обычная дорога или улица с двухсторонним движением и со своими специфическими правилами. И вот представь себе: по этой самой улице и день, и ночь шарахаются, грубо говоря, все, кому не лень: и пижонистые торгаши, и пропахшие рыбой траулеры, и наш брат – военные корабли. Вроде бы и полигоны для испытаний выбираются в местах, далеких от чужих глаз – так нет же, обязательно какой-нибудь торопливо-любопытствующий разгильдяй, несмотря на запреты, влезет, куда ему не надо. Влезет, а наша ракета тут как тут! Мы целенаведение по радарам ведем, всё отслеживаем, и вдруг видим: наша воспитанница из стороны в сторону начинает дергаться, вроде охотничьей собаки принюхивается к первому попавшемуся на ее пути судну, явно что-то нехорошее замышляет. Мы, ясное дело, пытаемся поставить ее на путь праведный, материмся ей вслед: «Ты куда, такая-сякая?! Стой! Не смей! Это не цель! На полигон лети!» Какой там! Положила она на наши приказы хрен с кисточкой! Опустится до самой воды, чтобы не засекли и не сбили, – и хрясь! под самую ватерлинию! суши весла, морячки!

– Какую такую линию? – для Петьки морские термины все равно что для слепого – очки, сухопутный он человек.

– Ты что... ты не знаешь, что такое ватерлиния?! – укоризненно покачивая головой, не поверил адмирал. – Ну ты, Петя, и сушняк! Надо же... не знать такое... и куда мы катимся? Ладно, объясню. Ватерлиния у боевого корабля, как, впрочем, и у любого другого судна находится... – Петька внимательно, как говорится, во все уши слушал, но ничего не мог понять, – ...

теоретическая кривая... горизонтальной плоскость... параллельная уровню воды... Тыфу ты, – чертыхнулся адмирал. – Вижу, ты ни черта не понимаешь, да я и сам запутался, многое успел забыть из этих формул. Давай попроще объясню. Ватерлиния – это линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом судна... Что, опять не понял? – Петька тупо смотрел на командира базы, мол, разве можно что-то понять после фужеров с девяностоградусным «Шилом». – Закусывай побольше! Давай жуй, жуй! И меня слушай... про ватерлинию мы... Петя! Сейчас ты у меня мигом всё поймешь! Где у тебя проходит резинка от трусов? – Петька с готовностью ткнул пальцем в ремень на животе. – Правильно! Так и у корабля по всему корпусу идет ватерлиния! Ну что, понял?

– Так точно, понял! – с готовностью отрапортовал Петька и хотел было спросить, где будет проходить эта самая ватерлиния, если корабль поставить стоймя, как, например, бочку – но на языке у него уже вертелся другой, более злободневный вопрос: – Товарищ адмирал, а почему «Контра» по своим лупила?

– Почему, почему – по кочану! – отчего-то вдруг рассердился адмирал. – Я ж тебе сказал, ракета была не без недостатков! А ты опять за свое! Мы сами не могли понять: почему? Мозги-то у нее не как у нас с тобой, у нее сплошная электроника с кибернетикой. А это тебе не бутерброд с маслом. Мы каждый ее шаг проанализировали и заметили, что бьет она не произвольно, не по всем случайным судам, а как бы выборочно бьет – бьет исключительно по ржавым, замызганным судам. Этакая чистюля! Поначалу мы терпели ее дикие выходки, убытки несли, списывали на неопытность, молодость ракеты, но после того как она браконьерствующий краболов под камбоджийским флагом на дно морское опустила – экипаж из россиян и украинцев мы спасли, – терпение наше лопнуло, и мы твердо себе сказали: «Всё, с нас хватит!» и вызвали с завода-изготовителя комиссию на предмет обследования недостатков их изделия, то есть ракеты.

– Ну и что комиссия, разобралась? – нетерпеливо ерзая в кресле, спросил Петька.

– Петя, не лезь вперед адмирала в пекло, – осадил непоседу командир базы. – Когда комиссия к нам приехала, мы ей прямо в лоб: чего это вы, братья-славяне, поставляете нашему доблестному ВМФ бракованную продукцию? Заводчане, понятное дело, на дыбки поднялись, честь своего завода давай отстаивать: дескать, это вы, вояки безграмотные, виноваты, мол, не на те кнопки жмете, ну и всё прочее в таком же обвинительном духе. Короче: скандал, да и только! Мы им предлагаем: «Пускайте ракету сами!» – они нам: «Ташите свою мишень!» Мы им списанный тралыщик под мишень отбуксировали: «Пускайте свою туфту!» Они запустили... – адмирал, видно, вспомнив что-то веселенькое, коротко рассмеялся, показав полный рот зубов.

– Ну и как, попала ракета в тралыщик? – опять с шумом заерзал Петька.

– Ага, попала, – ответил командир базы с ухмылкой. – Она даже до полигона не долетела, а свою болванку врезала...

– Сейнеру ржавому! – мгновенно догадался Петька.

– Если бы сейнеру, – будто от зубной боли скривился адмирал. – Нашему врезала – БПК, большому противолодочному кораблю.

– Кому, кому?! Нашему военному кораблю?! – у Петьки отвисла челюсть.

– Нет, монгольскому, – мрачно пошутил адмирал. – Нашему, кому же еще. Ох, Петя, что тогда было, страшно вспомнить. Мы за погоны схватились, заводчане – за головы: что будет, что будет! Командующий флотом, как древнегреческий Зевс, из штаба флота мечет в нас огненные молнии: «Не-мед-ле-нно най-ти ви-нов-ных!» А как их найти: мы заводчан обвиняем, те – нас, никто не желает оказаться крайним. Пока мы с заводчанами препирались, командующий флотом собственной персоной приземлился на флагманском корабле командира базы – на вертолете прилетел. И начались разборки...

– Ну и как, разобрался он? – опять встрял Петька.

– В некотором роде... – неопределенно ответил командир базы, нервно передергивая погонами. – Дело в том, что подбитый «бэпэка», ну, тот противолодочник, был не нашим... нет, он был нашим, но в то же время как бы и не нашим...

– А разве так бывает? – перебил адмирала Петька, одурело мотнув головой. – Что-то я совсем запутался.

– Ну как бы тебе объяснить... Нет, корабль-то был нашим, но другого флота – Балтийского. Он, помню, с дружеским визитом заходил в Индонезию, потом во Вьетнам, там у нас в Камрани своя база была, сейчас мы ее, к сожалению, бросили. А потом получил приказ идти к нам – топливом подзаправиться или еще зачем, точно уже не помню. А в тропиках, да будет тебе известно, любой корабль от жары, от влаги тропических дождей ржавеет моментом. Вот «бэпэка» и дошарахался, нарвался на нашу «чистюлю», на «Контру» нашу, черт бы ее побрал!

– Товарищ адмирал, вы уж простите меня, ей-богу, не пойму, хоть убейте, не пойму: то корабль наш, то не наш, теперь он уже Балтийский, в чем разница-то?

– Да, Петька, ну ты и непонятливый, как Буратино! – чертыхнулся командир базы. – Всё тебе приходится разъяснять, жевать-пережевывать, как маленькому. Разница в чем? Разница – во флотах, понимаешь? Повторяю: во флотах! Здесь, у нас на востоке – Тихоокеанский флот, а там, на западе – Балтийский, на юге – Черноморский, на севере – Северный! Ты футболом увлекаешься? Даже иногда мяч гоняешь? Похвально! Вот ты представь себе две футбольные команды нашей страны, например, «Спартак» и «Динамо». Представил? Идем дальше... Когда игроки этих команд выступают за сборную России, тогда они – дружки не разлей вода, одна команда. А вот когда они просто на первенство страны играют между собой – тут уж они почти недруги. Так вот и между четырьмя нашими флотами идет скрытая конкуренция и даже соперничество: какой флот лучше. Ну, уяснил?

Петька кивнул, мол, куда уж тут яснее, каждый желает быть лучше другого и иметь при этом больше выгоды. Удовлетворенный его жестом адмирал продолжил:

– Вот и мы забили балтийцам гол... Извиняюсь – болванку в борт. И радоваться вроде грешно – свои всё-таки, – но мы втихомолку похихикиваем, видно, уж так подленько устроен человек, хотя, если разобраться, балтийцы сами виноваты – привыкли по любому поводу и без повода на себе тельняшки до пупа рвать: мы, мол, Балтийский! дважды Краснознаменный! Мы Зимний в семнадцатом брали! Брали они. А кто их просил брать, такую бузу устраивать? Лучше бы они его в покое оставили, анархисты хреновы! – Петька прыснул смешком, вспомнил, как на него начальник орал: «Ты мне тут свою анархию не устраивай! Уволю на хрен!» А он-то всего лишь на полчаса обед передвинул – шибко жрать хотелось. – Ты чего лыбишься? – с подозрением спросил адмирал. – Я вроде ничего смешного не сказал, я всегда говорю, что думаю... ну почти всегда. Что балтийцы – хвастуны, я всегда говорил и буду говорить. Правильно им наша «Контра» врезала... Петя, давай и мы врежем...

Врезали... После выпитого уже Петька полез к адмиралу обниматься. Сжимая в своих медвежьих объятиях щедедушное, по сравнению с ним, адмиральское тело, Петька никак не мог поверить, что он – простой охранник от сохи – вот так запросто, на равной ноге обнимается с заслуженным адмиралом флота российского! Скажи кому – не поверят. А жаль...

– Петя, медведь ты этакий... ну отпусти, задушишь... давай лучше про ракету... – кричат адмирал, тщетно пытаясь освободиться из железного кольца рук охранника.

Наконец Петька опустил руки, и адмирал, встряхнувшись, как петух после драки, продолжил...

– Врезала, значит, наша «Контра» балтийцам по самое не могу, но, слава богу, те на плаву остались, болванка-то пустая была, без заряда. Главное, без жертв обошлось, остальное было делом техники: завели они под пробойну аварийный пластырь и с помощью нашего морского буксира пошлепали на базу для постановки в док... Ну, Петя, ну и силища у тебя... ни вздохнуть, ни выдохнуть...

– Ну а что командующий флотом, – Петька пропустил мимо ушей стенания адмирала, – разобрался?

– Да как тебе сказать... пытался разобраться, – опять как-то неопределенно вильнул адмирал. – Вроде пытался, но я по его лицу видел, что он, в общем-то, не прочь прикрыть это дело. Но! Но факт оставался фактом: российская боевая ракета ударила в борт российского боевого корабля – и сей плачевный факт никуда не денешь, тут простой констатацией факта не отделаешься, тут виновные должны быть конкретно указаны и строжайше наказаны. А чего их искать – вот они рядышком стоят, так сказать, родители этой придурковатой «Контры» – заводчане. Командующий флотом отвел на них душу чисто по-русски: они и такие, и сякие, и пусть забирают свое долбаное изделие и проваливают с ним хоть в Китай, хоть в Венесуэлу! Резко, конечно, но справедливо. Я смотрю: заводчане стоят расстроенные, обескураженные, виновато головки свесили, однако, как ни крути – это их ракета, пусть и без промаха, по своим бьет. А это, знаете ли, не шашлычком жареным пахнет! В военное время за это к стенке ставили. Впрочем, заводчане оказались ребятами стойкими, не из пугливых. Молча выслушав справедливые упреки в свой адрес, они попросили командующего дать им пару-тройку часов, чтобы здесь же, на месте, ракету разобрать и найти причину ее странного для них поведения, короче – снять с повестки дня все непонятные вопросы, связанные с ракетой. Комфлота с психу показал им комбинацию из трех пальцев, мол, фигу вам, а не время, но передумав, хоть и со скрипом, согласился: час вам на всё про всё! – и пошел в кают-компанию утолять жажду коньячком с лимончиком.

– Ну и как, нашли заводчане причину? – Петька в нетерпении прямо-таки сучил ногами.

– Петя, ты опять гонишь лошадей? Ну что у тебя за мода такая – адмирала перебивать? – попытался остудить пыл охранника адмирал. – Я и так с трудом прихожу в себя после твоих дружеских объятий... А причину нашли. Разобрали заводчане ракету и: ах, мать вашу! Нутро ракеты без единой капли ракетной смазки, ржавое нутро! Вот она – причина! Возможно, какой-то неизвестный заводской «умелец» прикарманил высококачественную ракетную смазку для собственных автомобильных нужд, а также для продажи «налево». Гаденыш! Погрел свои шаловливые ручки на обороноспособности своей страны. Но надо признать, видно, мужик башковитый...

Петька согласно закивал: о, да-да, башковитых у нас хватает. Недавно один охранник на автостоянке, чтобы у него ночью автомобили не угнали, а ему никто не мешал дрыхнуть, связал все-все стоящие на стоянке машины одним длиннющим металлическим тросиком за буксирные проушины – и спокойненько завалился спать. А утром хозяин одной из машин, первым заявившийся на стоянку, минут десять упорно газовал, всё к воротам рвался. Во хохма была!

– Заводчане напоили ракету смазкой, какая у нас была, – продолжал адмирал, – собрали ее заново – и к командующему: «Товарищ вице-адмирал, ракета к пуску готова! Тащите мишень на полигон, мы ее в щепки расколошматим!» До чего же шустры ребята! Командующий им открытым текстом: «Хрена вам прошлогодного, а не мишень!» Действительно, как-то неразумно расточительно тратить ресурсы кораблей, приводить в движение сотни людей, тащить мишень на полигон, сжигать топливо и нервы моряков – притом еще неизвестно, кому на сей раз вмажет ракета. И поняли все: на «Контре» как на боевой ракете можно ставить крест, не примут ее на вооружение. Непонятно, почему, но нам всем стало жаль ракету.

– И мне ее жалко, – вроде как шмыгнул носом Петька.

– Спасибо, Петя, – похлопал адмирал своей теплой ладонью по Петькиной руке, – успокойся, всё обошлось. Не поверишь, но в это, в общем-то, наше внутреннее дело вмешались – кто бы мог подумать – наши бывшие противники по «холодной войне»...

– Немцы! – опередил адмирала резвый охранник.

– Какие немцы, Петя? – вскинулся командир базы. – Американцы!

– Кто, кто? Американцы? Настоящие? – Петька широко открыл глаза.

– Резиновые, – опять пошутил адмирал. – Конечно, настоящие, с фрегата «Пери», который постоянно, будто привязанный, болтался кабельтов в шести от нас и был в курсе всех наших проблем с ракетой, хотя мы вроде бы делали всё возможное, чтобы сохранить все секреты нашей новой крылатой в тайне. Американцы частенько, как и заведено у моряков, подтрунивали над нами. «Эй, рашен, – кричали, – кому ваша „Контра“ сегодня даст?» Вот зубоскалы! Умеют, подлецы, сыпать соль на рану. Мы им одно в ответ: «Янки, у нас ноу проблем!» Они смеются. Впрочем, парни нормальные и моряки хорошие, но уж больно хвастливые, что не смертельно.

– Надо было шарахнуть по ним из пушки, чтобы близко не подходили, – простодушно предложил Петька.

Адмирал схватился за грудь от смеха:

– Петька... ну ты и агрессор! Ты хоть понимаешь, что предлагаешь? Ты прямо как поджигатель Третьей мировой войны.

Петька быстро накрыл рот широченной, как лопата, ладонью: мол, всё-всё, молчу.

– И правильно, лучше помолчи, – едко усмехнулся адмирал, – подошли, значит, американцы к нам и давай в мегафон орать. А нам и без них тошно: командующий флотом рвет и мечет, понурые заводчане с нашими ракетчиками составляют акт о ненадежности боевых качеств крылатой ракеты. Одним словом: тоска! А тут еще янки прицепились, продолжают что-то кричать. Мы, отбросив международный и прочий этикет, послали их по-русски куда подальше. Хохочут, черти звездно-полосатые, но не унимаются. Достали! Наш вице-адмирал на нас рычит: спросите, что им надо? Мы спросили, американцы отвечают: «Эй, рашен, предлагаем вам пари!» – «Какое на... еще пари?» – с матерком спрашиваем. – «Ваша „Контра“, – ответно кричат, – наша мишень! Попадет она в мишень – с нас ящик виски и по пять презервативов каждому члену вашего экипажа!»

Нормальное пари, думаем. Однако командующий, подпрыгнув от неслыханного, по его мнению, предложения, принялся крыть матом не поймешь кого: то ли нас, то ли американцев. Когда он наконец слегка успокоился, все мы: и экипаж, и заводчане, и даже адмиральская свита —стали уговаривать вице-адмирала принять условие американцев, больно уж пари заманчивое: ящик виски, халява, сэр! Командующий нас как ледяной водой охолонил: «А что если ваша „Контра“ промахнется, если не попадет в их мишень, тогда что?» А действительно, что? Интересуемся у янки. Они отвечают: «Промахнется – с вас ящик водки „Смирновская“ и по баночке красной икры каждому члену нашего экипажа!» Круто! Командующий флотом как ястреб упал с мостика, выхватил у нас рупор и рявкнул: «А жопа у вас не слипнется?!» Мы все тогда чуть от смеха по палубе не покатались, так смешно это выглядело. Наш вице-адмирал, словно загипнотизированный общим смехом, тоже заулыбался – вообще-то, он был добрым, насколько это командующему положено, кричал больше для вида, для поддержания авторитета, да и выпить был не дурак. А раз так, то навалились мы на него: мол, товарищ вице-адмирал, где же наша с вами военно-морская гордость, ведь если наша ракета разнесет их мишень, то мы и пари выиграем, и подтвердим и надежность, и славу российского оружия. Как он мог после этих слов отказаться? Посопротивлялся, порычал для вида и согласился. Правда, спросил как бы в никуда: «А если мы проиграем пари?» На сей риторический вопрос ему никто не ответил, но каждый из нас наверняка подумал: «Товарищ вице-адмирал, не приbedняйтесь, говорят, у вас в штабе флота и водки, и икры навалом!»

«Согласны! – кричим американцам. – Тащите свою мишень в такой-то квадрат!» Но что это еще за ковбойские маневры? Фрегат, опасно накренясь, грозя навалом, почти впритирку подошел к нашему флагману. Янки, смеясь, показывают нам металлическую бочку небесно-голубого цвета – бочка новенькая, без пятнышка ржавчины – и кричат ехидненько так: «Вот наша мишень! Просим любить и жаловать! Удачной стрельбы! Готовьте водку и икру! Гуд бай, рашен!» Ну не стервецы ли?

– Еще какие! – эмоционально согласился Петька. – Это надо же до такого варварства додуматься: бочку под мишень! Они что, рехнулись?

– Мы тоже так подумали, – боднул воздух адмирал. – Растерялись от такой невиданной наглости, обидно до хруста в кулаках, стоим, шестиэтажно ругаемся: ну, ковбои техасские, якорь вам в задницу, кранец в рот... Настроение – хуже некуда: обвели нас вокруг пальца, проиграем мы пари, как пить дать проиграем. Командующий флотом опять на нас окрысился: «Идиоты! – захлебывался в крике. – Где я вам столько водки с икрой возьму?!» Мы угрюмо молчали, но так каждому хотелось подленько огрызнуться: «Товарищ вице-адмирал, стоит ли из-за пустяка разоряться? Что сделано, то сделано, вчерашнего дня не вернешь, а договор, как известно, дороже денег. Ну, проиграем мы – не дай бог, конечно, – так стоит вам только свистнуть – вмиг на вертолете доставят и водку, и икру...»

Это понял и наш командующий. Опять разорался, но тональность его криков была уже другой – матерно-бодрящей, подгоняющей, надежду вселяющей. «Ну, чего как пни стоите?! Готовьте ракету к пуску! Всё до малейшей возможности просчитать, лбы себе расшибить, но мишень должна быть уничтожена! И попробуйте мне промахнуться – прикажу на пушечных стволах повесить! Гром и молния! Остальным разойтись по своим боевым постам! Живо, живо! Нечего под ногами мешаться! И смотрите мне!» – погрозил он кулаком скорее нам, чем американцам. Погрозил и направился в кают-компанию гонять чай-коньяки с лимоном. Открыл нам, так сказать, зеленую улицу – и на том спасибо! Главное – не мешал, над душою не стоял, не лез, куда не просят...

– Ну и как, выиграли вы пари? – напряженно навис над столом Петька.

– Петька, опять ты гонишь! Лучше возьми в рот бутерброд, – в который раз осадил охранника командир базы, – ну, торопыга прыткий! Жуй давай и дальше слушай... Смотрим – американский фрегат на всех парах к горизонту летит, за ним кольца дыма издевательски пляшут – торопятся янки нашей водочки выпить, икоркой закусить.

У них свои заботы, у нас – свои: мы готовим «Контру» к пуску. И наши ракетчики, и заводские специалисты как угорелые носятся, будто «Контра» – первая женщина-космонавт, только что вернувшаяся с Марса или Венеры. Каждый норовит погладить хищно-стреловидное тело, как будто оно принадлежит наконец-то пойманной русалке морской. А корабельный боцман приволок похожую голубенькую бочку и, приговаривая: «Нюхай, милая, нюхай! Запоминай вражину!» – принялся совать пустую емкость в носовую часть ракеты, точно у нее там глазки. Все суетятся, толкаются, все на нервах – одна «Контра», поблескивая заводской краской, преспокойненько лежит на направляющей, одним своим безмятежным видом вроде как успокаивая нас: «Что за суета бестолковая? Успокойтесь, я эту импортную жестянку пустоголовую и на дне моря найду – найду и на кусочки разорву! Ребята, всё будет о'кей!»

Тем временем командующий флотом, чего-то там накушавшись, перебрался в боевую рубку и принялся громогласно вспоминать чью-то мать, отвлекая подчиненных от работы...

– Матерился, что ли? – тотчас догадался Петька, выживая очередной бутерброд.

– Нет, стихи читал, – мрачно подколол его адмирал. – Еще как матерился, он-то думал, что его никто не слышит, а окна кое-где приоткрыты были, вот он и отводил душу, наверное, заранее прощался с ящиком водки и икоркой. Это сейчас те события кажутся смешными, а тогда... Бр-р! – передернул плечами командир базы. – Потом слышим – радиорубка сообщает, что наши соседи по Аляске вышли на связь и передали: «Мишень в указанном квадрате, можете выпускать „Контру“». И на этом, говорим себе, спасибо!»

– А далеко они бочку бросили? – поинтересовался Петька, глядя на карту Тихого океана.

– Да не очень... Как сейчас помню, где-то на расстоянии двадцати пяти миль.

– А сколько это в километрах? – не мог удержаться от вопроса Петька.

– Петя, – поморщился адмирал, – ну какие на море километры? Запомни, на море – морские мили! Двадцать пять миль – это где-то в районе сорока шести километров... – Петька

присвистнул: ничего, мол, себе! Командир базы недовольно качнул головой и с укором сказал: – А вот свистеть на море, согласно старым традициям, не рекомендуется – лично я бы вообще на это дело запрет наложил, на себе не раз испытал свистопляску морскую.

Петька обиженно засопел, дескать, он не моряк, да и находится не в море, а в кабинете. Адмирал улыбнулся.

– Петя, не входи в амбицию, я ж не обидеть тебя хочу, ты лучше всё, что я тебе говорю, запоминай – пригодится для общего развития... – ион принялся карандашом что-то рисовать на листе. Петька вытянул шею: дым на корме катера, должно быть, означал: адмирал запустил ракету.

– Пришло время запускать ракету... Десять, девять, восемь, семь... похлопали мы «Контру» напоследок по ее округло-женским бокам: не подведи, родимая!.. три... два... один: пуск! – вспыхнул жарким пламенем зад ракеты – и пошла, пошла! Только ее и видели!

Ждем... Как сейчас помню, тишина стояла нервная, напряженная. Вице-адмирал на мостик вышел, мы все слышали, как у него в карманах кулаки похрустывали, и от этого хруста нам не по себе было... Эфир взорвался неожиданно! К черту радиомолчание, запреты и прочие секретности! Работают все радиостанции! Слушаем: «О-ля-ля! „Контра“ – — вери гуд! Сэнк ю! О'кей!» – понятно, о чем американцы базарят. «Цель поражена! Молодцы, ракетчики!» – — наши откуда-то, должно быть, с космического шпиона докладывают. «Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра! – это уже мы орем во всё горло от радости. – Молодец, „Контра“, утерла нос хвастливым янки!»

– А водку американцы отдали? – Петька щелкнул ногтем по ополовиненному графину.

– Не водку – виски, – поправил его адмирал. – Отдали, у них насчет этого строго: проиграл – плати. Азартный они народ, я бы даже сказал – авантюрный. Смотрим в бинокли... и дым фрегатный видим, невеселый дым – проигрывать никто не любит. Подошли, флаги сигнальные вывесили, поздравляют нас, мол, молодцы русские и «Контра» ваша – о'кей! Мы и сами знаем, что мы – молодцы. В ответ: «За „Контру“ большое спасибо, но договор дороже денег, гоните выигрыш!» Для них это ноу проблем – два, целых два ящика виски выставили, и про презервативы не забыли. Виски-то мы с радостью взяли, а вот что делать с презервативами – не знаем. Как-то не к лицу российскому военному моряку сия усато-резиновая морда. Конечно, если бы каждому моряку по отдельности, по-тихому сунуть – вряд ли кто отказался бы, наверное, и командующий флотом свою долю к рукам прибрал. Не привыкли мы еще к секс-публичности, хотя вроде бы и скаканули в капитализм... черт бы его побрал! А знаешь, Петя, что мы с ними сделали?

– Утопили! – убежденно, не моргнув глазом, брякнул Петька. – Как тот атаман из песни, помните, он еще какую-то княжну утопил... или царевну, не помню.

– Петя, ну ты и сравнил! С тобой, брат, не соскучишься! – весело рассмеялся адмирал. – Утопил, говоришь? Ну и дурак был – разве такое добро можно топить? Нет, мы этим заморским штучкам-дрючкам нашли более практичное применение – мы их надули и вверх запустили. Высоко-высоко запустили и расстреляли из корабельных зенитных установок, а в журнале записали: «Провели боевые стрельбы по низколетящим целям. Все цели поражены».

Услышав про стрельбу из зенитных установок, Петька, как бывший артиллерист, не выдержал, вскочил.

– Товарищ адмирал, я сам в артиллерии служил! И мне приходилось по мишеням стрелять! Бывало, приедем на полигон, развернем орудие и айда по мишеням шмалять: бах! бабах! только щепки летят, – торопливо рассказывая, он возбужденно махал руками. Адмирал, поощрительно кивая головой, внимательно слушал. – Один раз, не поверите, мы без прицела стреляли, пушку через ствол наводили...

– Как через ствол? – теперь уже адмирал озабоченно почесал нос. – Разве сейчас такое возможно? Ох, Петя, заливаешь ты! Через ствол пушку знаешь, когда наводили? В веке этак пятнадцатом, а то и раньше.

– Да не вру я, товарищ адмирал! Вот те крест, не вру! – Петька неопределенно, будто убирая приставшую к лицу осеннюю паутину, провел сложенными втрое пальцами вокруг себя. – Мы тогда где-то затвор потеряли – скорее всего, его старослужащие на сторону продали какому-нибудь хозяйственному мужичку, чтобы купить чемоданы на дембель. Ну, потеряли и потеряли, а с другой стороны – как без прицела стрелять, да еще точно, чтобы оценку хорошую получить? Вот и пришлось наводить через ствол. Да это очень просто делается: крутим-крутим маховик, ствол наводим-наводим, а сами в дуло смотрим-смотрим... вот она – мишень! Ага, попалась! Ого-нь! Горит, горит, подлюга! – разошелся бывший артиллерист, заставив командира базы отшатнуться.

– А что за мишени у вас были? – только и спросил адмирал.

– Обычные мишени... Из бревен, из фанеры... – вспоминал Петька, – старые самоходки послевоенные, танки были...

– Даже танки? Скажи на милость, – вроде как даже удивился адмирал, но затем с хитринкой в голосе сказал: – Петя, а чтобы вы делали, если бы на вас танк двинул, своим ходом? Прицела-то у вас нет, отсутствует прицел.

– Танк... на нас? – тупо переспросил Петька. – Не-е, товарищ адмирал, как же он на нас двинет, он же мишень! Он на одном месте стоит, сломан он! Неподвижен, понимаете?

– Понимаю, ну а всё-таки вдруг бы двинулся, представь себе такую ситуацию. Ваши действия? Ну, я жду ответа... – настойчиво допытывался командир базы.

– Ну, если вы так хотите... пусть двигает... – после секундной заминки Петька среагировал: – Пусть... пусть попробует! Я бы схватил гранаты, связал их брючным ремнем, на всякий случай попрощался бы с ребятами и по-пластунски пополз навстречу танку.

– Bravo! Потрясающе! Подумать только! – взвизгивал адмирал, донельзя потрясенный Петькиной находчивостью. – Ну а дальше, дальше что?!

– Ползу я, значит, ползу... – на ходу фантазировал Петька. – И этот вражий гад на меня надвигается, надвигается и пушкой шевелит, типа меня пугает... Я бы ка-ак заорал на весь полигон: «Ты кого, сволочь, пугаешь, меня – русского солдата?!» – и связку гранат ему под брюхо! Он бы вспыхнул как спичечный коробок! А я бы... я бы схватил знамя...

– Хватит, хватит! Остановись, Петя! – навалившись от смеха на стол, командир базы попытался остановить разошедшегося в боевом наступательном порыве охранника. – Пощади адмирала, сынок... Ох! Давненько я так не смеялся, уморил ты меня... А ты не прост, ох не прост... Слушай, Петр... – лицо адмирала стало серьезным, – переходи к нам, в военноморской флот. Я очень надеюсь, что скоро весь этот бардак закончится и вновь, как раньше, и армия, и флот будут в почете. Переходи... Я тебе сразу присвою звание мичмана и назначу начальником минно-торпедного арсенала, мне туда честный человек нужен. Ты будешь не просто старшим мичманом – вторым человеком на базе станешь... после меня. Соглашайся, ты же настоящий мужик! Тебе отроду написано в армии служить! Документы хоть завтра оформим. Ну что?

– Я? В моряки?! – опешивший Петька не ожидал такого неожиданного предложения. – Ну, не знаю... надо подумать.

– И думать нечего! – безапелляционно отрезал адмирал. – Тут, на флоте, и только на флоте ты станешь уважаемым человеком! Неужели тебе не надоело в слугах ливрейных ходить, на задних лапках угодничать, на побегушках пресмыкаться?! Пойми, голова дубовая, армия – для таких, как ты! Для настоящих мужиков! Степан! – заскочил адъютант, они о чем-то пошептались, мичман, с готовностью козырнув, исчез. А Петька – так некстати! – вспомнил о злосчастном катере.

– Товарищ адмирал, а как мне с катером быть, что начальству доложить?

– Тоже мне, проблема, – буркнул командир базы, поднимаясь из-за стола. – А ты много не говори – говори, что я тебе скажу. Пойдем, я тебе на карте покажу... Вот, смотри сюда... Петя, ну куда ты пялишься, ты на мой палец смотри... Скажешь своему начальству, что военный спутник засек катер вот в этом районе Тихого океана... Скажешь, его туда течением... сильным ветром унесло... как ту баржу с четырьмя солдатами... помнишь... хотя куда тебе, салажонку... Сюда, за моим пальцем следи...

Петька с трудом отыскал на обширно-голубой глади Тихого океана адмиральский палец и тут же потерял его – сильно штормило.

– Да не лезь ты в Берингово! И о Японском забудь! Убери свой палец с Южно-Китайского! – рычал адмирал на географически безграмотного собеседника. – Забудь все моря на свете, все равно не запомнишь. Запомни: Тихий океан... Тихий! Там его в последний раз видели, в Тихом! Утоп твой катер, как тот «Титаник», утонул! Про форс-мажор не забудь упомянуть... про чрезвычайные обстоятельства, слепую стихию... про непреодолимую силу не забудь... и прочие, прочие природные катаклизмы... А если тебе не поверят, сошлись на меня... я им такой форс-мажор устрою, я на них своих морпехов натравлю, пусть ребятки потренируются по освобождению захваченных террористами зданий. А что, может, и впрямь взять на абордаж твою фирму... как там ее?

– «Беркут», – подсказал Петька, мысленно представляя, как будет выглядеть его начальник, когда в двери фирмы вломится черт знает чем разукрашенная толпа морских пехотинцев.

– Вот-вот, «Беркут»! На абордаж мы твой «Беркут» возьмем, как корсары – испанскую каравеллу! Пойдем, друг, возьмем и мы на абордаж наш графин, что-то у меня в горле пересохло...

Выпили за тех, кто в море, кто на вахте, на гауптвахте, закусили, песни запели и дуэтом, и порознь. То Петька прогудел пьяным басом: «Соловьи, соловьи, не будите солдат...», то адмирал выдал флотскую: «Когда усталая подлодка из глубины идет домой...» Затем песенный репертуар расширили за счет народного творчества. «Ой, мороз, мороз, не морозь меня...», «Зачем вы, девушки, красивых любите...» – и прочие «саратовские страдания» – у них получились не особо выразительно в силу своей гражданской направленности, но когда они мощно, дуэтом грохнули нестарющую «Непобедимая и легендарная, в боях познавшая радость побед...», то даже закопченный буксир у причала дважды откликнулся им: у-у! у-у-у!!

Да, что ни говори, а оба набрались крепенько. Адмирал так и сказал Петьке: «Да Петя, нагрузился ты „шилом“ под завязку, как танкер – топливом». Нет, а сам-то, сам! Сам командовал адъютанту: «Степан! Машину моему лучшему другу – в студию!»

Почти стемнело, когда военные моряки доставили Петьку прямо к дверям охранной фирмы. На глазах опешивших от удивления охранников они открыли перед ним двери, помогли войти и даже честь отдали. Начальник «Беркута» находился у себя в кабинете. Успев спрятать рюмку с коньяком, он квадратными глазами уставился на появившегося из-за двери подчиненного. Тот выпрямился, развернул пошире могучую грудь и даже попытался открыть рот, но начальник опередил его.

– Что всё это значит? Ты где до сих пор шляется? – угрожающе зашипел он. Петька – таки открыл рот – и ударная противолодочная волна с брусничкой вжала начальника в кожу кресла. Выпучив глаза, тот заорал:

– Да ты пьян, мерзавец! Где катер, катер где?! Отвеча-ай!!

– Отвечаю, шеф... катер засек военный спутник в Японо-Китайском море... слепая стихия накрыла с концом... «Контра» не подвела... в Тихом океане расстреляны презервативы... на абордаж взяли графин...

– Во-он!! Вон отсюда! Пош-шел... – затопал ногами, застучал по столу кулаком начальник. – Охрана... мать-перемать! Убрать отсюда эту свинью! Немедленно! Слышите?! Убрать!!!

Посмеиваясь, парни-охранники доставили Петьку домой. Раздевая, укладывая на диван, заметили, как из кармана его брюк выскользнул на пол небольшой сверток. Подняли, развернули... часы «Командирские»... на тыльной стороне мелкими буквами витиевато выгравировано: «Старшему мичману Бурцеву П. И. за заслуги перед ВМФ».

– Ну и дела! – переглянулись охранники. – А ведь, помнится, Петька говорил, что в артиллерии служил, заряжающим. Ох и чудило же он!

Петька и японцы

Ох, рано встает охрана!

Вальяжно расслабившись в дорогом итальянском кресле, начальник частной охранной фирмы «Беркут» вполголоса напевал понравившуюся ему песню, при этом в такт барабана кончиками пальцев по полировке стола:

А у реки, а у реки, а у реки
Гуляют девки, гуляют девки,
Гуляют наши мужики!
Та-та-та-та! Тра-та-та-та!

Много чего любил он в этой жизни, в том числе и петь. Любовь к пению у начальника сохранилась с детства, когда души в нем не чаявшая мамаша, мечтая вылепить из любимого чада популярного певца типа аля- Кобзон, привела его в музыкальную школу, где вроде бы подающий надежду сынок несколько лет дисциплинированно стучал по роялю и пел в хоре. От той далекой «музыкалки» у него осталась глубокая неприязнь к даже случайным, едва услышанным звукам рояля (рояль он вычеркнул из памяти), но петь начальник любил по-прежнему, особенно когда был в хорошем настроении или для этого имелся повод. И сейчас такой повод был. Ведь это именно он! – лично он! – подкинул руководству фирмы «Аполлон» одну блестящую идею, которая в случае ее успешной реализации принесет фирме многомиллионный доход, а опять же лично ему, как генератору этой идеи – немалое материальное вознаграждение и последующие за ним прочие земные блага и наслаждения.

Остается найти исполнителя. Ну, это не проблема, есть на примете один недотепа деревенский, которому что ни поручи – всё выполнит, пусть своеобразно, пусть по-своему, пусть, как говорится, через задницу, но обязательно выполнит. Просто везунчик какой-то. А главное —прост, бесхитроsten, в открытую прет, кукиш в кармане не прячет.

Крутанувшись в кресле, начальник прокричал в микрофон внутренней связи: «Бурцева ко мне! Живо!»

Охранник Петька Бурцев находился на первом этаже, в дежурной комнате с напарником. Напарник сонно пялился в монитор наружного наблюдения, якобы бдительно выискивая среди уличных прохожих недругов фирмы или скрытых террористов; Петька же с интересом наблюдал, как на потолке две большие мухи вытворяют черт знает что! Хорошо мухам живется, думал он, захотели – поели, захотели – поспали, куда захотят – туда и летят, и никакой начальник им не указ. Вольны мухи и свободны! Но не из-за зависти ли к их свободе все, кому не лень, стараются прихлопнуть муху? Такая вот изнанка «мухинской свободы» получается!

Услышав вопль начальника по свою душу, Петька чертыхнулся и, хлопнув напарника по плечу, мол, я ухожу к шефу, а ты тут один бди за обстановкой – затопал наверх, попутно до полусмерти напугав новенькую из бухгалтерии, которая вжалась в стену и, прижав ладони к груди, прошептала ему вслед: «Господи, ну и бегемот! Уродятся же такие...»

– Шеф, вызывали? – Петька осторожно просунул голову в дверь... и от удивления заморгал: его непосредственный начальник, между прочим, бывший капитан полиции, широко и щедро улыбался ему, словно наконец-то признал в этом незаконнорожденном отпрыске своего родного сына. К такому, прямо говоря, добросердечному и радушному приему, Петька был не готов; он готов был услышать в свой адрес привычную ругань от обещаний выбить из него дурь до угрозы увольнения к чертям собачьим, но такого! И он насторожился: не к добру кума запела!

– Петя, голубчик, да не стой ты у порога как чужой, садись вот сюда, да поближе, поближе! Не стесняйся, будь как дома! – начальник щедрым жестом указал на ближайший к себе стул. Петька опасливо присел на краешек.

– Ну, рассказывай, как поживаешь, как жена, дети? Ах да, совсем забыл, ты же у нас холостой! Но особо не переживай, бабу мы тебе найдем! Ха-ха-ха! – рассмеялся было начальник, но тотчас сделав серьезное лицо, перешел к делу. – Мы с тобой люди свои, так что не будем без толку ходить вокруг да около, возьмем, как говорится, быка за рога. Сходу возьмем. Ко мне за помощью обратилась фирма «Аполлон», объекты которой, как ты знаешь, мы охраняем. Им срочно понадобилась помощь, я бы сказал, даже архисрочно! Дело, которое они нам предлагают – очень уж деликатное и к нам, вроде бы, прямого отношения не имеющее, но это еще как посмотреть. Тебе известно выражение: «Кто платит, тот и музыку заказывает»?

Это выражение Петька слышал не один раз, но к чему его присобачить в настоящий момент – он не знал, однако на всякий случай кивнул.

– Вот и прекрасно! А теперь в чем суть дела... К ним, в фирму «Аполлон», прилетели японцы из города Осака для заключения крупного, я бы сказал – жирного контракта на поставку в Японию большой партии... Впрочем, это коммерческая тайна и тебе незачем знать все подробности.

Незачем так незачем, как говорится, баба с возу – кобыле легче. Петька расслабился, коммерция не по его части, его дело – охранять, не пущать, когда надо – кулаки в ход пускать, в рыло кому дать, короче-силовое сопровождение. Да и с тайной связываться – себе неприятности наживать.

– ...Поначалу переговоры шли, вроде бы, в нужном для наших русле, – продолжал начальник размахивая правой рукой, – но потом японцы заупрямились – им, видите ли, их процент от сделки показался недостаточным, вот и уперлись самураи рогами в землю, трактором не сдвинешь. Наши с ними и так и сяк, по-разному – бесполезно, переговоры зашли в тупик. Вот они и примчались к нам за помощью... Петя, ты что, не слушаешь меня?

Петька, потеряв интерес к настоящему делу, и правда не особо вникал в смысл сказанного начальником: ну приехали какие-то японцы, ну поцапались, не поделив жирный кусок с нашими – так это обычное для коммерции дело, и лично ему эта мышьяная возня – до лампочки, сейчас его больше интересовало голодное урчание собственного желудка.

Начальник, будто угадав мелко-эгоистичные мыслишки своего подчиненного, повысил голос:

– Петя! Пётр! Помочь «Аполлону» в трудный для него момент – дело каждого нашего сотрудника, повторяю – каждого! Не поможем мы им – они нам вовремя не переведут деньги за охраняемые нами объекты; в итоге- мы останемся без зарплаты. Ты этого хочешь?

Нет-нет, только не это! Петька живо встрепенулся и преданно уставился на начальника: мол, приказывайте шеф, любой ваш приказ выполняю, в лепешку расшибусь, но без зарплаты мы не останемся!

– Правильно мыслишь, Петя, – отметил усердие подчиненного начальник. – Короче: я тут посидел, подумал и предложил «аполлоновцам» одну хитроумную идейку. Угадай, какую? Ни в жизнь не угадаешь, – он самодовольно оскалился, затем заговорщицки подмигнул Петьке – тот ответно скривился.

– Я предложил свозить японцев на лесную туристическую базу «Таежные дали», – поднял вверх палец шеф. – Пусть они там побудут денек-другой-третий, отдохнут, расслабятся, пообмякнут как веники, сговорчивее станут – бери их голыми руками. Лес, речка, шашлычки, уха с водочкой – на людей прямо-таки магически действуют, по себе знаю...

Петька тоже это знает – бывал он на этой турбазе, от посещения которой и у него остались лишь приятные воспоминания. Он бы не отказался съездить туда еще разок-другой.

– Веришь, «аполлоновцы» в восторг пришли от моей идеи! Вот, брат, как надо работать! – напыщенно надул щеки начальник. – Учись, пока я живой! Впрочем, всё это лирика, перейдем, так сказать, к прозе – то есть к основной части нашего дела, так что будь добр, слушай меня внимательно, очень внимательно, так как это, в основном, тебя касается.

После этого, он опять поднял указательный палец и с пафосом сказал:

– Фирма «Аполлон», ее генеральный директор, а также совет директоров фирмы поручают это сложное и ответственное дело... кому бы, ты думал?

– Вам! – не раздумывая, ответил Петька.

– А вот и нет! – довольно осклабился начальник. – Тут ты ошибся, Петя, впрочем, не так уж и сильно. Поручили не лично мне, а нашей с тобой фирме. А если говорить конкретно кому, то могу тебя обрадовать: поручили именно тебе! Да-да, Петя, тебе, тебе! – с видимым удовольствием повторял он.

– Мне? Почему мне? – удивился Петька, пожимая плечами.

– Эх, Петя, Петя! Как я завидую тебе! – будто не слыша вопроса, начальник протянул через стол руку и прямо-таки благоденствующе-барским жестом, похлопал охранника по скалистому плечу. – Гордись! Такие люди оказали тебе такое доверие! Такое! Я бы и сам с превеликим удовольствием на турбазу поехал, надоела городская духота, многолюдье, пыль, запах бензина. Но у меня, знаешь ли, аллергия на холодную воду, на комаров, на утреннюю росу и прочую лесную нечисть. А ты у нас вон какой здоровяк, для тебя это дело – раз плюнуть, – начальник с завистью оглядел широкие плечи охранника, его сильные руки.

– Шеф, я тех японцев что, должен буду охранять? – спросил Петька. – Если охранять, то вопросов нет, охрана для меня – обычное дело.

– И охранять тоже... Впрочем, если бы только охранять, я бы любого охранника мог послать, никто не откажется на халюву отдохнуть. Нет Петя, дело тут не в охране, тут совсем-совсем другой человек нужен. Этот человек в первую очередь должен быть дипломатом. Запомни-дипломатом! А так же лакеем, политиком, тамадой, поваром и еще не знаю кем, честно тебе говорю. Ты догадываешься, кто этот человек?

– Не-а, – отрицательно боднул головой Петька. – Я таких даже не знаю.

– Разуй глаза, Петя! Я о тебе говорю, о тебе! Голова у тебя как надо варит, не соломой набита – и ты справишься, я в этом уверен! Только ты! А теперь о главном... И цель, и смысл, и суть этой поездки одна: контракт! Японцы должны, обязаны подписать контракт! Подписать! И ты заставишь их это сделать, не знаю, как, но заставишь! Ты – последняя наша надежда! Вбей себе в голову, наизусть запомни, запиши на бумажку, на ладонь: контракт, контракт и контракт! Кровь из носа, но контракт должен быть подписан! А иначе... иначе не возвращайся в город, ищи для себя березовый сук...

Петька едва не свалился со стула: какой еще контракт? При чем здесь он?

– Петя, не дергайся, вопрос решен однозначно, поедешь ты, и только ты! Я верю в тебя как в самого себя. И «аполлоновцы» на тебя реально указали, мол, пошли того бугая – он одним своим видом заставит японцев подписать контракт. Ты не обижайся, это они так пошутили.

Какие тут шутки, не до шуток, не до обид Петьке – тоскливо, хуже некуда ему, сам не свой он. Попытался отказаться от поездки.

– Шеф, ну почему я?! У нас каждый второй охранник с высшим образованием. У некоторых так языки подвешены – их хоть сейчас в руководители выдвигай, или в этот... в парламент думский! А что у меня? Ну какой из меня дипломат или политик?! Я простой охранник... я «корова» пишу через «а»... я японцев сроду в глаза не видал... я в школе немецкий учил!

– Всё, хватит! – рявкнул начальник, в зародыше подавляя бунт подчиненного. – Тебе, смотрю, хрен в голову ударил? Уймись! Вопрос, кто поедет – закрыт! Ты меня понял?

Петька обреченно вздохнул. Начальник удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

– Петя, ну что ты дергаешься? Дело, в общем-то, пустяковое. Отвезешь японцев на турбазу, покажешь им знаменитое русское гостеприимство. Пусть они порыбачат, за бабочками побегают, цветочки понюхают, на травке как дети порезвятся! Делов-то! Ушицы им сварганишь, шикарный стол накроешь, икоркой угостишь, водочкой – само собой разумеется! Ты, главное, водочки, водочки им подливай, они нашу водку любят. Короче, покажи им товар лицом. Но при этом действуй хитро, с умом действуй, с расчетом. Буром, как танк, не при, старайся как бы исподтишка, как бы между прочим, ненавязчиво так напомнить им про контракт. Главное, чтоб подписали... Что еще? Можешь сам на халяву выпить, разрешаю. Но не увлекайся, смотри не переборщи, главное – не забывай про контракт, ни на минуту не забывай! Ты всё понял?

– Шеф, а если ни уха, ни водка не помогут, что я должен буду делать? – вполне резонно спросил Петька. – Силу к ним применить, что ли?

– Силу? А что... – неопределенно пожал плечами начальник. – Можно и силу, почему бы и нет? В разумных пределах, конечно, и если можно, то безболезненно, желательно, без явных следов насилия...

О чем он говорит? Петька удивленно вскинул голову. В каких разумных пределах? И как это – безболезненно, да еще без явных следов насилия? Это с его-то кулаками!

Начальник, словно прочитав мысли подчиненного, взглянул на его пудово-жилистые кулачища, тотчас пошел на попятную.

– Петя, ты меня неправильно понял! Насчет физической силы я сказал не в прямом смысле, я так, фигурально выразился. Наоборот, я тебе говорю: будь с ними помягче, поделикатней, чтоб всё чин чином, всё-таки иностранные подданные, мало ли чего... – Он быстро вскочил, по-военному одернул пиджак и, явно желая побыстрее закончить разговор, торопливо зачистил: – Петя... Петр! Что хочешь с ними делай, хоть сам в лепешку расшибись, но оправдай оказанное тебе высокое доверие! Мы все уверены: с твоей помощью контракт будет подписан! А сейчас, дорогой, иди отдыхай, завтра с утра пораньше – в путь! – И уже самолично закрывая за ошарашенным охранником дверь, с угрозой прошептал: «Запомни, не подпишут японцы контракт – спросим с тебя...»

С тяжелым сердцем выйдя за ворота, Петька с чувством принялся ругать начальника.

– Ну скотина безрогая! Аллергия, видите ли, у него! Иногда неделями с этой турбазы не вылезает, а тут утренней росы испугался! У-у, трус несчастный! Контракт ему подавай, вынь да положь на блюдечке с синенькой каемочкой! Крайнего нашел! Вот сволочуга!!

Остановился, задумался, как бы глядя в завтрашний день.

«А действительно, как я японцев уговорю подписать контракт, если я даже их языка не знаю? Что я вообще о них знаю? Что живут где-то совсем рядом на островах, что рисом питаются, морской рыбой, саке — водку пьют, сплавляют нам подержанные автомобили, лес-рыбу у нас по дешевке скупают, наши Курилы хотят себе прибрать... Н-да, не густо. О! Еще несколько их слов знаю: каратэ, самурай, камикадзе... и это – харакири, вот! А что, я для своего начальника как тот камикадзе, он мной каждую дырку затыкает, как бы мне не пришлось делать себе харакири после этой поездки».

Увидев пустую банку из-под пива, Петька, подражая каратистам, гортанно вскрикнул: ки-й-я-я! – и сильно пнул ее носком ноги. Пнул и тотчас успокоился.

«Чего это я распсиховался? Подумаешь, японцы! Ну и что? Наверное, такие же, как и я, люди. Но уж точно не хуже моего начальника, этого напыщенного индюка. Так что жизнь продолжается! Вперед, Петя, как говорят, назад только раки пятятся...»

На другой день ни свет ни заря выехали. Японцев оказалось двое. Оба на один покрой: невысокие, скуластенькие, черноволосые. Один, правда, худенький, другой – упитанный, круглолицый. И, что забавно – оба беспрерывно улыбаются, зубки показывают, головами вежливо кивают, мол, всем-всем привет. Интересно так, будто вокруг одни их знакомые или род-

ственники. Обычай, видно, в Японии такой, подумал Петька. А что, в общем-то, неплохой обычай, нам бы такой тоже не помешал. Но, представив себя постоянно улыбающимся, Петька засомневался, что этот обычай у нас приживется.

Мягко покачиваясь на пружинах, микроавтобус (японский, между прочим) всё дальше и дальше удалялся от города. Во вместительном багажнике хрустально позвякивали бутылки кристально чистой «Смирновской», аппетитно пахло копченым окороком, в автохолдильнике мерзла свежевывловленная красная рыба для ухи, где-то в сумках пряталась икра черная и икра красная, ну и прочие-прочие деликатесы, которых в машине – хоть завались.

Петька сидел впереди, рядом с водителем Лехой, парнем разбитным и не дураком выпить. Японцы на заднем сиденье сжимали с обеих сторон услужливого, но малоразговорчивого переводчика. Вскоре с асфальта съехали на лесовозную дорогу – не скоростное шоссе, но ехать можно. Кругом, куда ни глянь, горбатятся покрытые первозданной тайгой сопки, местами могучие лиственницы и вековые ели смыкаются над головой как бы тоннелями, и тогда приходится включать дальний свет, который фарами, словно лезвиями, вспарывает утренний мрак.

Японцы за Петькиной спиной деловито затрещали фотоаппаратами. Петька оглянулся и подмигнул гостям: мол, ну что, господа японцы, хороша у нас природа. Японцы понятливо закивали головенками: «хороса», «хороса». То-то, братцы, это не ваша самуравия мелкотравчатая, у нас всё настоящее.

Натужно ревя мотором, разбрасывая камешки, микроавтобус вскарабкался на вершину сопки. Вдали виднелась полоска моря, из которого, как бы играючи, выпрыгнуло свежeweымытое солнце и упрямо полезло, полезло ввысь. Синева моря, уходящего за горизонт, изумрудная зелень тайги, голубизна неба над головой, красновато-золотистый шар восходящего солнца – красотища неописуемая!

Японцы вдруг заволновались, гортанно затарабарили по своему. Чего это они? Стоп, машина! Петька первым делом выскочил, огляделся и не обнаружив поблизости опасности, до хруста потянулся, замахал конечностями, разгоняя по жилам застоявшуюся кровь. Шофер Леха, что-то недовольно бурча, открыл капот, стал проверять уровень масла в двигателе. Японцы вышли не торопясь, повернулись лицом к восходящему солнцу, головки на грудь опрокинули, ладошки вместе сложили и, поднеся их к лицу, что-то про себя зашептали. Чего это они? Никак молятся? Переводчик, постанывая от непривычной езды, болезненно морщась, объяснил, что там, на востоке, откуда сейчас восходит солнце, находится их родина, которую еще называют Страной восходящего солнца. Понятно, значит, родная земля у них в той стороне, родина там. Ну, за это не грех и помолиться. Так что молитесь, братцы-японцы, вашему японскому богу!

Потряслись дальше. Леха баранку крутит, матеря сквозь зубы ухабистую лесовозную дорогу, переводчик нервно дремлет уронив руки между колен, японцы молча в окно смотрят, Петька думает... Не о контракте, нет – его поразило поведение японцев на перевале. «Это надо же, в такую глухомань российскую забрались, а о своей родине, о Японии, не забывают. Патриоты они, что ли? У нас как-то даже стыдно это слово вслух произносить, стеснительными мы стали. Одно на уме: деньги, деньги! А еще какую-то национальную идею ищем, мол, найдем – сразу заживем как у Христа за пазухой. Нет, это же просто глупость! Где эта самая идея прячется, кто точный адрес знает, пойдй, найди ее? Интересно, есть у японцев своя национальная идея? Думаю, нет – зачем она им, они и так хорошо... Ох!»

Машину сильно встряхнуло, Петька с укором: «Леха, не дрова везешь!» Тот огрызнулся, мол, не моя вина, дорога виновата... в душу мать! Переводчик широко заулыбался, оба японца покраснели, пришлось Петьке потребовать у водителя, чтобы тот прикусил несдержанный язычок и больше не выражался при японцах. Водила огрызнулся было: мол, что мне с ними – детей крестить, но углядев, что Петька незаметно показал ему кулак, притих. А сам Петька вдруг вспомнил о контракте, черт бы его побрал! Ну как он уговорит японцев, кто подскажет?

Как найти с ними общий язык? Начальник, вроде как, разрешил применить силу. Ну не придурок ли он? Какую силу – они вон какие хрупенькие, как спички, нажми чуток – дух испустят. Нет, сила здесь не поможет, здесь нужно что-то, что-то совсем другое, но что? Однако в голову ничего не лезет! А если... если на турбазу не заезжать, остановиться где-нибудь в глухом месте, на дикой природе, а там... а там видно будет! Пусть японцы своей шкурой прочувствуют всю прелесть неорганизованного отдыха на дикой российской природе, пусть их нежную городскую кровушку попьют наши злобные комарики, пусть их тьма ночная попугает страхами таежными: трижды пусть!

Вот так, на свой страх и риск Петька принял решение не заезжать на турбазу «Таежные дали».

– Леха, гони на «тигровую» поляну! – приказал он шоферу.

– Петька, ты что, сдурел?! – моментально кисло скривился Леха. Он уже мечтал отдохнуть культурненько, с комфортом. На турбазе идеальные условия для отдыха: гостевые домики со всеми цивилизованными удобствами, своя мини-электростанция, шикарная баня с бассейном, финская сауна, тренажерный зал, телки из обслуживающего персонала и даже домик для иностранцев имеется. Короче: люксовый отдых! А что на дикой природе: злобные комары, едкий дым от костра, кошмарный сон на холодной земле, туалет под елкой, лесного зверья опасность – страх, а не отдых!

– Петя, тебе же приказ был на турбазу, – попытался было гнуть свою линию Леха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.